

Суд Евразийского ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

*Обзор практики международных судебных органов
и судов государств – членов Союза
по вопросам, представляющим интерес для Суда ЕАЭС*

Октябрь 2022, № 4

подготовлено Секретариатом Суда ЕАЭС

Оглавление

I. Международные судебные органы.....	6
Суд Европейского союза.....	6
<i>1. Комиссия против Польши (С-791/19): соответствие дисциплинарного режима судей принципу независимости судебной власти .....</i>	<i>6</i>
<i>2. Deutsche Telekom AG против Комиссии (С-152/19 P) и Slovak Telekom a.s. против Комиссии (С-165/19 P): ограничение предоставления доступа к сети оператором, обладающим доминирующим положением.....</i>	<i>8</i>
<i>3. Sun Pharmaceutical Industries and Ranbaxy (UK) и другие против Комиссии (С-586/16 P, С- 588/16 P, С-591/16 P, С-601/16 P, С-611/16 P, С-601/16 P): антиконкурентный характер соглашения с целью отсрочить выход на рынок медицинских препаратов-дженериков.....</i>	<i>11</i>
<i>4. Slovak Telekom a.s. против антимонопольного органа Республики Словакии (С-857/19): применимость принципа ne bis in idem к нарушениям, совершенным в разное время.....</i>	<i>13</i>
<i>5. Katoen Natie Bulk Terminals and General Services Antwerp; Middlegate Europe (Joined Cases C-407/19 and C-471/19): условия ограничения свободы учреждения, оказания портовых услуг и свободы передвижения работников.....</i>	<i>15</i>
<i>6. Randstad Italia SpA v. Utmana SpA и другие (С-497/20): принципы эквивалентности и эффективности средств правовой защиты в контексте государственных закупок .....</i>	<i>17</i>
<i>7. Комиссия против Германии (С-718/18): имплементация положений права ЕС в области внутреннего рынка электроэнергии и природного газа в национальное законодательство .....</i>	<i>20</i>
<i>8. LR Ġenerālprokuratūra (С-3/20): иммунитет от судебного разбирательства служащих ЕС .....</i>	<i>23</i>

Суд Европейской ассоциации свободной торговли.....	25
9. <i>О против Правительства Норвегии (E-13/20), Criminal Proceedings против P (E-15/20): право на социальные пособия работников-мигрантов в свете принципов эквивалентности, эффективности и пропорциональности</i>	25
10. <i>Надзорный орган ЕАСТ против Королевства Норвегии (E-9/20): препятствия для свободы учреждения</i>	27
Суд Андского сообщества	29
11. <i>Дело № 259-IP-2021: возможность лицензиата блокировать параллельный импорт</i>	29
12. <i>Дело № 490-IP-2019: прерывает ли подача ходатайства о применении обеспечительных мер течение срока давности по защите прав интеллектуальной собственности</i>	32
Европейский суд по правам человека	34
13. <i>Willems and Gorjon v. Belgium (жалобы № 74209/16, 75662/16, 19431/19, 19653/19): формализм при рассмотрении приемлемости апелляционных жалоб как нарушение права на судебную защиту</i> . 34	
14. <i>Xero Flor w Polsce sp. z o.o. против Польши (жалоба № 4907/18): нарушение «права на суд, созданный на основании закона» в связи с незаконным избранием судьи Конституционного суда на должность</i>	35
Административный трибунал Международной организации труда... 38	
15. <i>E. (Nos. 1 and 2) против Международной организации труда (МОТ): нарушение стандартов поведения для международной гражданской службы</i>	38
16. <i>D. против Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО): неожиданное уведомление об упразднении должности как оскорбление достоинства служащего международной организации</i>	40
Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации	42
17. <i>Спор между США и ЕС (Испания) (DS577) касательно антидемпинговых пошлин на оливки: вопрос специфичности субсидий</i>	42

Инвестиционный арбитраж	45
18. ООО Manolium Processing против Республики Беларусь (2018-06): вопрос начала действия Договора о ЕАЭС	45
II. Судебная практика государств – членов ЕАЭС	49
Республика Армения	49
19. Решение Административного суда РА по делу № ЧГ/10376/05/19: отсутствие нормы об урегулировании коллизий между актами ЕАЭС и законами Республики Армения	49
Республика Беларусь	51
20. Решение Конституционного Суда РБ № Р-1279/2021: соответствие Конституции изменений в законе «О таможенном регулировании» в части исполнения международных обязательств в рамках ЕАЭС	51
21. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда РБ по делу № 130-9/2020: вопросы классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС	52
22. Решение Верховного Суда РБ по делу № 1ЭАП212: запрет на осуществление координации экономической деятельности	55
Республика Казахстан	57
23. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Туркестанского областного суда № 2а-1367: меры защиты внутреннего рынка – антидемпинговые меры	57
24. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Атырауского областного суда № 2399-21-00-2а/90: классификация товаров согласно ТН ВЭД ЕАЭС – самоходные бетоносмесители	59
Кыргызская Республика	61
25. Решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики № 08-р	61

Российская Федерация	64
26. <i>Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 590-О: оспаривание хозяйствующим субъектом положений ТК ТС и ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу .....</i>	64
27. <i>Определение Конституционного Суда РФ № 191-О: оспаривание конституционности нормы, определяющей новые обстоятельства как основания для пересмотра судебных актов .....</i>	65
28. <i>Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2: разъяснение проблемных вопросов применения антимонопольного законодательства Российской Федерации .....</i>	68
29. <i>Решение Верховного Суда РФ № АКПИ21-612: об оспаривании Разъяснений о классификации отдельных товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС .....</i>	72

I. Международные судебные органы

Суд Европейского союза

1. Комиссия против Польши (C-791/19): соответствие дисциплинарного режима судей принципу независимости судебной власти¹

15 июля 2021 года в рамках дела C-791/19 *Commission v. Poland*² Большая Палата Суда ЕС вынесла важное решение в аспекте обеспечения верховенства права. Введение Польшей нового дисциплинарного режима в отношении судей Верховного Суда и судей обычных судов было признано неисполнением обязательств, установленных правом ЕС.

Предметом судебного процесса стала реформа 2017 года, посредством которой в рамках Верховного Суда Польши была создана Дисциплинарная палата, ответственная за рассмотрение всех дисциплинарных дел в отношении судей Верховного Суда и – в порядке апелляции – судей судов общей юрисдикции. Европейская комиссия (далее – Комиссия) обратилась в Суд ЕС с иском против Польши, посчитав, что данная реформа не гарантирует ни независимость, ни беспристрастность Дисциплинарной палаты, состоящей исключительно из лиц, назначенных Национальным Советом по Правосудию, чей состав формируется политическими органами.

В своем решении Суд ЕС напомнил, что статья 19(1) Договора о Европейском союзе (ДЕС) обязывает государства-члены установить систему средств правовой защиты, обеспечивающую реализацию частными лицами их права на эффективную судебную защиту в сферах, регулируемых правом ЕС. При этом принцип эффективной судебной защиты является общим принципом права ЕС, проистекающим из конституционных традиций государств-членов. Указанный принцип закреплен в Европейской конвенции о защите прав человека и Хартии основных прав ЕС. В этой связи несмотря на то, что организация правосудия относится к компетенции государств-членов, реализация данной компетенции должна осуществляться с соблюдением обязательств, установленных правом ЕС, и, в частности, статьи 19(1) ДЕС.

Анализируя соблюдение Польшей статьи 19(1) ДЕС, Суд ЕС отметил, что данное положение и проистекающее из него требование

---

¹ Подготовлено начальником экспертно-аналитического отдела К.В. Энтиным.

² ECLI:EU:C:2021:596.

независимости судей подразумевает гарантии того, что применимый к судьям дисциплинарный режим не будет использоваться для осуществления политического контроля над содержанием судебных актов. Это подразумевает, с одной стороны, наличие правил, устанавливающих, какие формы поведения могут считаться дисциплинарными проступками, и, с другой стороны, рассмотрение данных проступков независимым органом с соблюдением права на защиту и возможность обжаловать решения такого дисциплинарного органа.

В отношении проведенной в Польше реформы Суд ЕС посчитал, что она не гарантирует независимость и беспристрастность дисциплинарной палаты, состоящую исключительно из вновь назначенных судей, ранее не бывших членами Верховного Суда, и которым обеспечивается более высокий уровень вознаграждения, а также организационной, функциональной и финансовой автономии по сравнению с другими палатами Верховного Суда. Все эти факторы дают основания для разумных сомнений в отношении того, свободен ли данный орган от прямого и косвенного влияния со стороны законодательной и исполнительной власти.

Суд ЕС также отметил, что законодательство Польши предусматривает возможность квалифицировать содержание судебных актов в качестве дисциплинарных нарушений. В этом отношении Суд ЕС указал, что содержание судебных актов может являться предметом дисциплинарного разбирательства лишь в исключительных случаях, таких как намеренное и недобросовестное нарушение национального права или права ЕС, произвольные действия и отказ в отправлении правосудия. Вместе с тем сам факт того, что судебное решение содержит возможную ошибку в толковании или применении национального права или права ЕС, или в оценке обстоятельств дела и доказательств, не может являться достаточным основанием, чтобы повлечь привлечение судьи к дисциплинарной ответственности. Проанализировав положения законодательства Польши по этому вопросу и практику его применения, Суд ЕС пришел к выводу, что соответствующие положения не исключают применения дисциплинарного режима для оказания давления на судей, что способно сказаться на содержании судебных актов, и, таким образом, подрывает независимость судей.

Также Суд ЕС констатировал отсутствие необходимых процессуальных гарантий проведения дисциплинарных разбирательств в разумный срок, поскольку вводимый дисциплинарный режим позволял вновь привлекать судей, в отношении которых уже было принято вступившее в силу решение, к ответственности по тому же делу.

Наконец, Суд ЕС также констатировал нарушение Польшей статьи 267 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС), посвященной механизму преюдициального запроса. Данный механизм, как напомнил Суд ЕС, является краеугольным камнем судебной системы ЕС, позволяющим установить прямой диалог между Судом ЕС и национальными судами и обеспечить единообразное толкование права ЕС. Суд ЕС напомнил, что национальные суды обладают широкой дискрецией по обращению в Суд ЕС с преюдициальными запросами и что любая национальная норма, ограничивающая или удерживающая национальный суд от обращения с преюдициальным запросом, ограничивает прерогативу национальных судов в рамках статьи 267 ДФЕС. В этой ситуации сама возможность привлечения к дисциплинарной ответственности в связи с направлением преюдициальных запросов недопустима, поскольку подрывает эффективность реализации судами своей дискреции по направлению соответствующих запросов в Суд ЕС и всю систему сотрудничества между национальными судами и Судом ЕС.

2. Deutsche Telekom AG против Комиссии (C-152/19 P) и Slovak Telekom a.s. против Комиссии (C-165/19 P): ограничение предоставления доступа к сети оператором, обладающим доминирующим положением³

В двух связанных решениях⁴ Суд Европейского союза отклонил апелляционные жалобы, поданные Slovak Telekom a.s., Deutsche Telekom AG на решения Суда общей юрисдикции ЕС от 13 декабря 2018 года по делам *Deutsche Telekom против Комиссии* (T-827/14), *Slovak Telekom против Комиссии* (T-851/14), касающиеся антиконкурентной практики на словацком телекоммуникационном рынке. Суд ЕС разъяснил, применимы ли критерии квалификации поведения предприятия в качестве злоупотребления доминирующим положением, установленные в отношении отказа доступа к инфраструктуре, к ситуациям, когда доступ к инфраструктуре предоставляется, но на несправедливых условиях.

Slovak Telekom a.s. (далее – ST) является крупнейшим телекоммуникационным оператором и провайдером широкополосного доступа в Словакии. В период с 12 августа 2005 года по 31 декабря 2010 года Deutsche Telekom (далее – DT) владел 51% капитала ST.

---

³ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

⁴ ECLI:EU:C:2021:238 и ECLI:EU:C:2021:239.

По результатам проведенного расследования Европейская комиссия констатировала, что ST и DT злоупотребили своим доминирующим положением на словацком рынке услуг широкополосного доступа в Интернет, ограничив доступ к альтернативным операторам местной линии связи. Европейская комиссия установила, что ST и DT нарушили статью 102 ДФЕС, указав несправедливые условия в своем типовом предложении, касающемся разделенного доступа к местной сети, и применив несправедливые тарифы, которые не позволили столь же эффективным конкурентам реализовать розничные услуги без убытков. Комиссия наложила штраф в порядке солидарной ответственности на ST и DT, а также назначила отдельный штраф DT.

Решениями от 13 декабря 2018 года по делам Deutsche Telekom против Комиссии и Slovak Telekom против Комиссии Суд общей юрисдикции частично отменил решение Комиссии, понизив размер штрафов, наложенных Комиссией солидарно на ST и DT, а также отдельно на DT.

В апелляционном производстве Суд ЕС подчеркнул, что любое предприятие, даже если оно является доминирующим, вправе отказаться от заключения договоров и предоставления созданной для собственных нужд инфраструктуры для использования. Решение антимонопольного органа, обязывающее предоставить конкурентам доступ к инфраструктуре предприятия, не может быть оправдано политикой в области конкуренции, если только доминирующее предприятие не имеет действительно жесткого контроля на соответствующем рынке.

Суд ЕС отметил, что применение критериев, установленных Судом в решении по делу *Bronner*⁵, позволяет определить, имеет ли доминирующее предприятие подобный контроль над рынком благодаря своей инфраструктуре. Доминирующее предприятие может быть вынуждено предоставить доступ к инфраструктуре, которую оно разработало для нужд своего бизнеса, только в том случае, если, во-первых, отказ в таком доступе может устранить любую конкуренцию со стороны конкурирующего предприятия, запрашивающего доступ, во-вторых, отказ не может быть объективно оправдан, и в-третьих, такой доступ необходим конкурирующему предприятию для ведения бизнеса, то есть нет реальной или потенциальной замены этой инфраструктуре.

При этом Суд ЕС обратил внимание на то, что данные критерии не применимы к ситуации, когда подобный доступ предоставляется, даже если он предоставляется на несправедливых условиях. Соответственно,

---

⁵ Решение Суда ЕС от 26 ноября 1998 года.

поскольку определение оператором связи ST несправедливых условий доступа не может быть квалифицировано как отказ в доступе к инфраструктуре, то Комиссии нет необходимости доказывать, что предоставление доступа к местной сети было «необходимым» для выхода конкурентов на рынок, чтобы охарактеризовать несправедливые условия доступа в качестве злоупотребления доминирующим положением.

В рамках довода DT о том, что Суд ЕС ошибочно квалифицировал факты как свидетельствующие об оказании реального решающего влияния DT на ST, Суд обратился к понятию «предприятия», используемому ДФЕС для обозначения лица, являющегося нарушителем правил конкуренции. Суд ЕС пришел к выводу о том, что понятие «предприятие», содержащееся в статьях 101 и 102 ДФЕС, должно толковаться как обозначающее экономическую единицу для целей рассматриваемой антиконкурентной практики, даже если по закону эта экономическая единица состоит из нескольких физических или юридических лиц.

Суд ЕС отметил, что ответственность за поведение дочерней компании может быть возложена на материнскую компанию, в частности, если эта дочерняя компания, хотя и является отдельным юридическим лицом, но не определяет независимо свое собственное поведение на рынке, а выполняет во всех существенных отношениях указания, данные ему материнской компанией. При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать соответствующие факторы, касающиеся экономических, организационных и правовых отношений, связывающих дочернюю компанию с ее материнской компанией.

Суд ЕС заключил, что возможность вменения антиконкурентного поведения дочерней компании материнской компании является одним из следствий использования концепции «предприятия». Формальное разделение между материнской компанией и дочерней компанией, вытекающее из их отдельной правосубъектности, не может превосходить единство их поведения на рынке для целей применения статей 101 и 102 ДФЕС.

3. *Sun Pharmaceutical Industries and Ranbaxy (UK) и другие против Комиссии (C-586/16 P, C- 588/16 P, C-591/16 P, C-601/16 P, C-611/16 P, C-601/16 P): антиконкурентный характер соглашения с целью отсрочить выход на рынок медицинских препаратов-дженериков*⁶

25 марта 2021 года Суд ЕС вынес шесть решений⁷ в области права конкуренции по связанным между собой апелляциям производителей лекарств на решения Суда общей юрисдикции⁸, в которых разъяснил понятия «*потенциальные конкуренты*» и «*соглашение, имеющее целью ограничение конкуренции*».

Судебные разбирательства возникли в связи с соглашениями, заключенными датской фармацевтической компанией Lundbeck с производителями дженериков⁹, действовавших в 2002-2003 годы с целью отсрочить выпуск на рынок аналогов антидепрессанта Циталопрама. Антидепрессант был разработан и запатентован компанией Lundbeck в конце 70-х, но срок действия патента истек. В 2013 году Европейская комиссия установила, что Lundbeck и производители препаратов-дженериков являются по крайней мере потенциальными конкурентами, а анализируемые соглашения должны рассматриваться как «имеющие целью» ограничение конкуренции. Соглашения были замаскированы как соглашения по урегулированию патентных споров¹⁰, но Европейская комиссия посчитала, что они приводили не к урегулированию, но лишь к отсрочке таких споров и фактически предусматривали выплату Lundbeck компенсации исходя из прогнозируемой прибыли производителей дженериков от выхода на рынок. В итоге Европейская комиссия наложила штраф на более чем 93 млн. евро на Lundbeck и 52 млн. на четырех производителей дженериков.

Компании обжаловали решение Европейской комиссии в Суде Общей юрисдикции ЕС, но безуспешно. Суд ЕС, рассматривавший данные дела в порядке апелляции, также оставил решение Европейской комиссии в силе.

---

⁶ Подготовлено начальником экспертно-аналитического отдела К.В. Энтиным.

⁷ ECLI:EU:C:2021:241 ; ECLI:EU:C:2021:242 ; ECLI:EU:C:2021:243 ; ECLI:EU:C:2021:244 ; ECLI:EU:C:2021:245 ; ECLI:EU:C:2021:246.

⁸ Решения по делам C-586/16 P *Sun Pharmaceutical Industries and Ranbaxy (UK) v Commission*, C-588/16 P *Generics (UK) v Commission*, C-591/16 P *Lundbeck v Commission*, C-601/16 P *Arrow Group and Arrow Generics v Commission*, C-611/16 P *Xellia Pharmaceuticals and Alpharma v Commission*; C-614/16 P *Merck v Commission*.

⁹ Дженериками называют лекарственные средства, содержащие химическое вещество, идентичное запатентованному первоначальным разработчиком лекарства, выпускаемый после истечения срока действия патента.

¹⁰ У Lundbeck продолжали действовать некоторые вторичные патенты, покрывающие определенные способы изготовления препарата.

Суд ЕС отметил, что для установления того, является ли предприятие, не присутствующее на рынке, *потенциальным конкурентом* необходимо установить, имеются ли реальные или конкретные возможности для него выйти на рынок и составить конкуренцию уже присутствующим на нем предприятиям. Данный критерий не требует доказывания с полной определенностью, что предприятие действительно выйдет на рынок и сможет в последующем сохранить свое место на нем. Применительно к ситуации, когда срок охраны активного компонента лекарственного препарата недавно истек, необходимо установить, имеет ли производитель дженериков твердое намерение и сопутствующую возможность выйти на рынок и нет ли непреодолимых барьеров на входе. При этом Суд ЕС посчитал, что наличие у Lundbeck патентов на некоторые методы производства активного компонента лекарственного средства не может расцениваться в качестве подобного непреодолимого барьера, особенно в контексте ситуации, когда у производителей дженериков имеется твердое намерение и возможность выйти на рынок и когда ими предприняты шаги по оспариванию данных патентов.

Суд ЕС также подтвердил выводы Суда Общей Юрисдикции относительно характеристики соглашений как «имеющих целью ограничение конкуренции», что избавляет Европейскую комиссию от необходимости доказывать их отрицательное влияние. По мнению Суда ЕС, понятие соглашений, «имеющих целью» ограничить конкуренцию, необходимо толковать ограничительно. Соответствующая характеристика применима лишь к тем соглашениям, которые, исходя из содержания их положений, целей, а также экономического и правового контекста, представляют достаточную степень угрозы для конкуренции для того, чтобы не было необходимости оценивать их последствия. Речь идет о таких формах координации между предприятиями, которые, в силу самой их природы, могут рассматриваться как представляющие угрозу для нормальной конкуренции. Суд посчитал, что соглашения, позволившие отсрочить выход на рынок производителей дженериков, сопровождавшиеся платежами, размер которых служил достаточным стимулом, чтобы не продолжать усилия по выходу на рынок, относятся к категории практик, представляющих особую угрозу для конкуренции, и могут быть характеризованы как «имеющие целью» ограничение конкуренции.

4. Slovak Telekom a.s. против антимонопольного органа Республики Словакии (C-857/19): применимость принципа ne bis in idem к нарушениям, совершенным в разное время¹¹

Суд Европейского союза на основании преюдициального запроса Верховного суда Словакии¹², направленного в ходе рассмотрения спора между компанией Slovak Telekom a.s. (далее – ST) и антимонопольным органом Словакии (далее – антимонопольный орган), оценил законность привлечения ST к ответственности за злоупотребление доминирующим положением согласно статье 102 ДФЕС Комиссией и национальным органом.

21 декабря 2007 года антимонопольный орган принял решение о допущенном ST нарушении. В 2008 году Европейская комиссия запросила у конкурентов ST информацию об отдельных видах коммерческой деятельности ST, после чего 8 апреля 2009 года приняла решение возбудить дело против ST по факту возможного отказа со стороны ST в предоставлении отдельного доступа к своим абонентским линиям и другим оптовым услугам широкополосного доступа, а также сокращения маржи в отношении оптового доступа к местным линиям связи, других оптовых услуг широкополосного доступа и розничных услуг доступа.

9 апреля 2009 года Совет антимонопольного органа (далее – Совет), внес изменения в первоначальное решение органа и оштрафовал ST на 525 800 000 словацких крон в связи со злоупотреблением доминирующим положением, за принятую стратегию снижения маржи в отношении разницы между ценами на розничные услуги связи и оптовые услуги присоединения, совершенные в зависимости от рассматриваемых розничных услуг – за период с 1 мая 2001 года по 9 апреля 2009 года.

11 января 2012 года ST оспорила принятое решение Совета в Краевом суде Братиславы, впоследствии 11 февраля 2014 года данное решение было отменено Верховным Судом Словакии, и дело направлено на новое рассмотрение.

15 октября 2014 года Комиссия приняла решение, согласно которому в период с 12 августа 2005 года по 31 декабря 2010 года предприятие, состоящее из Deutsche Telekom AG и ST, совершило однократное длящееся нарушение статьи 102 ДФЕС, состоящее в ограничении маржи и стратегии отказа в предоставлении доступа к его местным линиям связи.

---

¹¹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д.В. Семашко.

¹² ECLI:EU:C:2021:139.

При повторном рассмотрении дела в связи с различными позициями сторон относительно применения принципа *ne bis in idem* Верховный Суд Словакии обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом касательно освобождения от компетенции национальных антимонопольных органов по делам, рассматриваемым Комиссией применительно к статьям 101 и 102 ДФЕС¹³ с учетом положения статьи 11(6) Регламента № 1/2003 от 16 декабря 2002 года (далее – Регламент № 1/2003)¹⁴ о том, что органы государств-членов лишатся полномочий по применению статей 101 и 102 ДФЕС, а также применимости принципа *ne bis in idem* в ситуации, когда за совершение правонарушения, состоящего в злоупотреблении доминирующим положением по смыслу статьи 102 ДФЕС, Комиссия и власти государства-члена наложили санкции отдельно и независимо при осуществлении своей компетенции.

Суд ЕС пришел к выводу, что норма статьи 11(6) Регламента Совета (ЕС) № 1/2003 означает, что антимонопольные органы государств-членов освобождаются от своей компетенции применять статьи 101 и 102 ДФЕС в случае, когда Комиссия инициирует разбирательство с целью принятия решения о признании нарушения этих положений в той мере, в какой это официальное действие относится к одному и тому же предполагаемому нарушению статей 101 и 102 ДФЕС, совершенному тем же предприятием или предприятиями на том же товарном рынке или рынках и на том же географическом рынке или рынках в течение того же периода или периодов, что и лица, затронутые разбирательством или разбирательствами, ранее возбужденными этими антимонопольными органами.

Однако освобождение от компетенции по смыслу статьи 11(6) Регламента № 1/2003 не относится к судам данных государств, которым предоставлено право пересмотра актов административных и юрисдикционных органов¹⁵. Также Суд отметил, что под термином «инициирование разбирательства» понимается акт Комиссии, которым она объявляет компании о своем намерении возбудить дело для принятия одного из упомянутых в Регламенте № 1/2003 решений. Кроме того, из прецедентной практики Суда следует, что фраза «возбуждение дела

---

¹³ Статьи 101 и 102 ДФЕС соответственно закрепляют запреты антиконкурентных соглашений и злоупотребление со стороны одного или нескольких предприятий доминирующим положением на внутреннем рынке или на существенной части такового.

¹⁴ Возбуждение Комиссией процедуры принятия решения в соответствии с главой III освобождает антимонопольные органы государств-членов от их компетенции применять статьи 101 и 102 ДФЕС. Если антимонопольный орган государства-члена уже рассматривает дело, Комиссия должна инициировать разбирательство только после консультации с этим национальным антимонопольным органом.

¹⁵ См. пункты 23-24 Решения.

Комиссией» с точки зрения существа дела ограничивает пределы, в которых Комиссия освобождает антимонопольные органы государств-членов от их компетенции. В свою очередь, Комиссия, освобождая антимонопольные органы государств-членов от их компетенции, принимает во внимание факты, являющиеся предметом разбирательства, инициированного Комиссией.

Касательно применения принципа *ne bis in idem* Суд отметил, что он применяется к нарушениям норм о конкуренции о злоупотреблении доминирующим положением (статья 102 ДФЕС) и не позволяет компании быть признанной ответственной или возбуждать против нее дело повторно на основании антиконкурентного поведения, за которое она была привлечена к ответственности или объявлена невиновной на основании более раннего решения, которое больше не может быть обжаловано. Однако данный принцип не применяется, когда разбирательство или санкции налагаются на предприятие отдельно и независимо антимонопольным органом государства-члена и Европейской комиссией за нарушения статьи 102 ДФЕС, касаются отдельных товарных рынков или отдельных географических рынков, или когда антимонопольный орган государства-члена освобождается от своей компетенции в соответствии с первым предложением статьи 11(6) Регламента № 1/2003¹⁶.

В связи с изложенным привлечение ST к ответственности Комиссией и антимонопольным органом Словакии за нарушения, допущенные в разные периоды времени, не нарушают принцип *ne bis in idem*.

*5. Katoen Natie Bulk Terminals and General Services Antwerp; Middlegate Europe (Joined Cases C-407/19 and C-471/19): условия ограничения свободы учреждения, оказания портовых услуг и свободы передвижения работников*¹⁷

Суд ЕС вынес решение¹⁸ по преюдициальным запросам от Государственного совета и Конституционного суда Бельгии в рамках разбирательств *Katoen Natie Bulk Terminals NV* и *General Services Antwerp NV против Бельгии*, а также *Middlegate Europe NV против Совета министров Бельгии*, касающихся действительности некоторых положений бельгийского законодательства об организации портовых работ и их соответствия праву Европейского союза.

---

¹⁶ Пункты 41-48 Решения.

¹⁷ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

¹⁸ ECLI:EU:C:2021:107.

Суд ЕС отметил, что положения законодательства государства – члена ЕС, обязывающие предприятия из других государств-членов, желающие осуществлять портовые операции и оказывать портовые услуги на территории первого государства-члена, нанимать только докеров, признанных таковыми в соответствии с национальным законодательством, не позволяя использовать собственный персонал или нанимать других работников, не имеющих статуса признанных докеров. Это может препятствовать учреждению этого предприятия в соответствующем государстве-члене или оказанию этим предприятием услуг в данном государстве-члене, что представляет собой ограничение свобод, гарантированных статьями 49¹⁹ и 56²⁰ ДФЕС.

При этом Суд ЕС обратил внимание, что такого рода ограничения могут быть оправданы при условии, что это необходимо для обеспечения достижения преследуемой цели в общественных интересах, а также отсутствуют менее ограничительные меры, которые позволили бы достичь цели так же эффективно.

По мнению Суда ЕС, нормы национального законодательства, в соответствии с которыми предприятия, желающие оказывать портовые услуги, должны в обязательном порядке обращаться к признанным докерам, не могут считаться соразмерными преследуемой цели, если признание докеров не основывается на заранее известных объективных, недискриминационных критериях, призванных ограничить свободу действий органа, ответственного за сертификацию докеров, и обеспечить, чтобы они не были произвольными.

Суд ЕС пришел к выводу, что рассматриваемые нормы законодательства совместимы со статьями 49 и 56 ДФЕС, если условия и договоренности, изложенные в соответствии с этим законодательством, во-первых, основаны на заранее известных объективных, недискриминационных критериях и позволяют докерам из других государств-членов доказать, что они удовлетворяют в стране своего происхождения требованиям, *эквивалентным* тем, которые применяются к докерам в Бельгии, и, во-вторых, не устанавливают ограниченную квоту для работников, имеющих право на получение признанного статуса докеров.

По мнению Суда ЕС, рассматриваемое национальное законодательство, обязывающее нанимать только признанных докеров, также представляет собой ограничение свободы передвижения работников, закрепленной в статье 45 ДФЕС, поскольку в этом смысле

---

¹⁹ Свобода учреждения.

²⁰ Свобода предоставления услуг.

может служить сдерживающим фактором для работодателей и работников из других государств – членов ЕС.

Суд ЕС также пришел к выводу, что положения законодательства, устанавливающие требования к порядку признания докеров административным комитетом, состоящим из членов, назначаемых организациями работодателей и организациями работников, не представляются необходимыми и целесообразными для достижения цели обеспечения безопасности в портовых районах и предотвращения несчастных случаев на производстве, а, следовательно, не соответствуют положениям статей 45, 49 и 56 ДФЕС.

Что касается требований законодательства к пригодности по состоянию здоровья, успешному прохождению психологического теста и предварительной профессиональной подготовке, необходимых для признания лица в качестве докера, то, по мнению Суда ЕС, данные требования являются необходимыми для обеспечения безопасности в портовых районах, соразмерными такой цели и, следовательно, соответствуют положениям ДФЕС, при условии, что не будет поставлена под сомнение прозрачность, объективность и беспристрастность при проведении соответствующих экзаменов или тестов.

Суд ЕС также пришел к выводу, что законодательство, согласно которому работники логистики должны иметь «сертификат безопасности», условия выдачи которого устанавливаются коллективным трудовым договором, не противоречит свободам, закрепленным в статьях 45, 49 и 56 ДФЕС, при условии, что условия выдачи такого сертификата необходимы и соразмерны цели обеспечения безопасности в портовых районах, а установленный порядок его получения не налагает необоснованных и несоразмерных административных обременений.

6. Randstad Italia SpA v. Umana SpA и другие (C-497/20): принципы эквивалентности и эффективности средств правовой защиты в контексте государственных закупок²¹

В решении по делу *Randstad Italia*²² Суд ЕС рассмотрел вопрос о возможности отмены решения высшего административного суда государства-члена, вынесенного в нарушение права ЕС, верховным судебным органом такого государства-члена.

---

²¹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

²² ECLI:EU:C:2021:1037.

Azienda USL Valle d'Aosta (агентство здравоохранения региона Валле д'Аоста, Италия) запустило тендер на заключение государственного контракта с агентством по трудоустройству на временную поставку персонала. Randstad Italia SpA (далее - Randstad) была среди участников тендера. После оценки технических предложений компания Randstad была исключена из числа участников. Компания Randstad подала иск в административный суд, стремясь, во-первых, оспорить свое исключение из процедуры торгов и, во-вторых, продемонстрировать нарушение процедуры. Иск был признан приемлемым, но отклонен по существу.

В этой связи Randstad обратился в Государственный совет Италии (апелляционный орган), который изменил решение, вынесенное судом первой инстанции, указав, что у Randstad отсутствует право на обжалование процедуры проведения торгов.

Не согласившись с решением Государственного совета, Randstad обратился в Верховный кассационный суд Италии, который указал, что отказ Государственного совета рассматривать жалобы, касающиеся нарушений процедуры проведения торгов, нарушает принцип эффективности средств правовой защиты по смыслу права ЕС. При этом Верховный кассационный суд отметил, что в соответствии с толкованием Конституционного суда Италии такая жалоба должна быть признана неприемлемой.

В этой связи Верховный кассационный суд Италии обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом, чтобы уточнить, исключает ли право ЕС применение нормы внутреннего права, которое не позволяет оспаривать посредством подачи кассационной жалобы соответствие решения административного суда праву ЕС.

Как указал Суд ЕС, в силу примата права ЕС нельзя допустить, чтобы нормы национального права подрывали единство и эффективность права ЕС.

Абзац второй статьи 19(1) ДЕС²³ обязывает государства-члены предоставлять средства правовой защиты частных лиц, достаточные для обеспечения ее эффективности в областях, охватываемых правом ЕС. Принцип эффективной правовой защиты прав в соответствии с правом ЕС, является общим принципом права Союза, вытекающим из конституционных традиций, общих для государств-членов.

В соответствии с принципом процессуальной автономии процессуальные правила для средств правовой защиты, установленные

---

²³ Абзац второй пункта 1 статьи 19 Договора о Европейском союзе: Государства-члены устанавливают способы обжалования, необходимые для обеспечения эффективной судебной защиты в сферах, регулируемых правом Союза.

национальным правопорядком каждого государства-члена должны быть не менее благоприятными, чем содержащиеся в праве ЕС (принцип эквивалентности), а также не должны ущемлять осуществление прав, гарантированных правом ЕС (принцип эффективности).

Таким образом, Суд ЕС определил, что право ЕС не препятствует государствам-членам ограничивать или обуславливать им основания, которые могут быть выдвинуты в кассационном порядке, при условии соблюдения принципов эффективности и эквивалентности.

Суд ЕС также отметил, что принцип эквивалентности обеспечивается вне зависимости от того, основываются жалобы на праве ЕС или национальном праве.

Относительно принципа эффективности Суд указал, что право ЕС не требует от государств-членов устанавливать средства правовой защиты, отличные от тех, которые установлены национальным законодательством, за исключением случаев, когда из национальной правовой системы следует, что не существует средства правовой защиты, которое позволило бы хотя бы косвенно обеспечить соблюдение прав частных лиц, вытекающих из права ЕС, или единственным средством получения доступа к суду фактически является нарушение закона.

Тем не менее, Суд ЕС отметил, что в свете права на эффективное средство правовой защиты, гарантированного директивой Совета 89/665 и статьей 47 Хартии Европейского союза об основных правах, Государственный совет ошибся, сочтя иск Randstad в административный суд неприемлемым. В этой связи Суд ЕС указал, что, во-первых, для того, чтобы это действие было признано приемлемым, достаточно, чтобы заказчик, в случае успешного пересмотра, был вынужден возобновить процедуру государственных закупок. Во-вторых, в соответствии с указанной директивой иск может быть предъявлен только участником торгов, который еще не был окончательно исключен из процедуры торгов, а само исключение участника торгов является окончательным только в том случае, если участник торгов был уведомлен надлежащим образом, а его исключение было признано законным независимым и беспристрастным судом.

В данном случае Государственный совет проигнорировал это правило, поскольку, когда Randstad подал иск в суд первой инстанции, а также когда Государственный совет вынес свое решение, само решение организатора закупок об исключении Randstad из процедуры, не было признано законным каким-либо судебным органом.

7. Комиссия против Германии (С-718/18): имплементация положений права ЕС в области внутреннего рынка электроэнергии и природного газа в национальное законодательство²⁴

В рамках дела *Комиссия против Германии*²⁵ Суд ЕС, рассмотрев обращение Европейской комиссии, пришел к выводу, что Германия не выполнила обязательства по имплементации положений Директивы 2009/72 «Об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии» и Директивы 2009/73 «Об общих правилах внутреннего рынка природного газа» и, в частности, неправильно имплементировала концепцию «вертикально интегрированного предприятия».

По мнению Европейской комиссии, Германия должным образом не имплементировала в национальное законодательство ряд положений Директив 2009/72 и 2009/73 (далее – Директивы), устанавливающих общие правила внутреннего рынка электроэнергии и природного газа соответственно: (1) концепцию «вертикально интегрированного предприятия»; (2) запрет на занятие сотрудниками вертикально интегрированных предприятий руководящих должностей в течение трех лет после увольнения; (3) условия отчуждения акций энергетических компаний; (4) полномочия национальных государственных органов по регулированию тарифов на передачу и распределение электрической энергии, а также по определению условий балансирующего рынка электроэнергии.

По первому доводу Европейской комиссии Суд ЕС отмечает, что в соответствии с статьей 2(21) Директивы 2009/72 вертикально интегрированным предприятием (далее – ВИП) признается предприятие или группа предприятий по производству электроэнергии, в которых одно и то же лицо либо одни и те же лица имеют право прямо или косвенно осуществлять контроль предприятия или группы предприятий, которые выполняют по крайней мере одну из функций по передаче или распределению и производству или поставке электроэнергии. Статья 2(20) Директивы 2009/73 содержит аналогичные положения относительно ВИП в области природного газа.

Суд ЕС обращает внимание, что положения Директив не содержат отсылок к национальному законодательству. Соответственно, понятие «ВИП» является автономной концепцией права ЕС, которой должна быть дана самостоятельная и единообразная интерпретация. Содержание такого понятия не может быть определено путем ссылки на известные концепции в национальном законодательстве государств-членов. Суд ЕС

---

²⁴ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.А. Турехановым.

²⁵ ECLI:EU:C:2021:662.

обратил внимание, что целью регулирования указанных рынков электрической энергии и природного газа является эффективное разделение систем передачи и деятельности по производству и поставке электроэнергии или газа, что должно обеспечить создание внутреннего рынка электроэнергии и природного газа, в котором гарантия недискриминационного доступа к сети будет являться фундаментальным элементом.

Суд ЕС приходит к выводу, что положения национального законодательства Германии ограничительно толкуют понятие ВИП, тем самым не в полной мере имплементируют положения Директив.

По второму доводу Комиссии Суд ЕС повторно обращает внимание на цель регулирования – эффективное разделение, позволяющее обеспечить полную и эффективную независимость оператора системы распределения от ВИП для устранения конфликта интересов между генерацией и производством электроэнергии и природного газа, с одной стороны, и эксплуатацией системы передачи – с другой.

Суд ЕС приходит к выводу, что ограничения, установленные Директивами на занятие руководящих должностей, применяются к лицам, ответственным за управление и/или членам административных органов системы передачи оператора, которые до назначения работали в ВИП или в предприятии, которое является мажоритарным акционером одного из предприятий ВИП, хотя такая занятость не имела отношения к рынку электрической энергии и/или природного газа.

Относительно того, что указанные запреты ограничивают свободу передвижения работников, закрепленную в статье 45 ДФЕС, и право заниматься свободно выбранной профессией, предусмотренной статьей 15(1) Хартии основных прав Европейского Союза, Суд ЕС отметил, что данные свободы не являются абсолютными и могут быть ограничены при определенных условиях. По мнению Суда ЕС, ограничение указанных свобод оправдывается законной целью (эффективное разделение) и вводится в интересах общества, а также не выходит за рамки того, что необходимо для достижения такой цели.

В связи с чем Суд ЕС заключает, что распространение национальным законодательством государства-члена сферы действия соответствующих ограничений лишь на лиц, занимавших должности в энергетическом секторе, противоречат положениям Директив.

По третьему доводу Комиссии Суд ЕС отметил, что положения Директив предусматривают, что должностным лицам и сотрудникам оператора системы передачи запрещается владеть акциями или долями участия либо получать какие-либо финансовые выгоды прямо или косвенно от любого ВИП, кроме оператора системы передачи. По

мнению Суда ЕС, указанный запрет соответствует целям эффективного разделения систем передачи от производства и поставки электроэнергии и природного газа.

Законодательством Германии соответствующий запрет установлен лишь в отношении должностных лиц операторов систем передачи, тогда как на сотрудников такой запрет не распространяется, что, по мнению Суда ЕС, не соответствует целям Директив.

Кроме того, Суд ЕС отмечает, что право собственности на акции и доли участия не является абсолютным, и его осуществление может подлежать ограничениям, оправданным целями общего интереса, преследуемыми Европейским Союзом, при условии, что эти ограничения действительно отвечают целям общего интереса в соответствии со статьей 52(1) Хартии и не представляют собой по отношению к преследуемой цели несоразмерное и недопустимое вмешательство, нарушающее саму суть гарантированного права.

Запреты, предусмотренные Директивами, по мнению Суда ЕС, не представляют собой такого несоразмерного и недопустимого вмешательства в право собственности, которое затрагивало бы само существо этого права. Указанные положения предусматривают, что занятость у оператора системы передачи и владение акциями или долями участия иных ВИП не совместимы.

Соответственно, лицо вправе выбрать сохранить право собственности либо отказаться от него ради работы у оператора системы распределения. Разумеется, указанные лица могут продать акций по рыночной цене или обменять их на акции оператора системы распределения.

По четвертому доводу Комиссии Суд ЕС отметил, что положения Директив наделяют национальные регулирующие органы (далее - НРО) различными полномочиями, в частности правом устанавливать тарифы на передачу и распределение или утверждать методологии их расчета. Дополнительно Директивы устанавливают, что НРО должны осуществлять полномочия независимо от какого-либо государственного или политического органа. С учетом того, что Директивы не определяют понятие «независимость государственного органа», данный термин подлежит применению в своем обычном значении и относится к статусу органа и его способности действовать свободно от влияния иных органов власти.

Иными словами, независимость в принятии решений подразумевает, что в сфере своих полномочий НРО принимают решения автономно и исключительно в общественных интересах, чтобы обеспечить соблюдение целей, преследуемых Директивой, не

подчиняясь внешним указаниям со стороны других государственных или частных организаций.

В этой связи Суд приходит к выводу, что наделение Федерального Правительства Германии полномочиями по установлению условий доступа к сети, а также по утверждению методологии расчета таких условий и тарифов на доступ к сети не соответствует целям Директив.

8. *LR Generālprokuratūra (C-3/20): иммунитет от судебного разбирательства служащих ЕС*²⁶

30 ноября 2021 года Суд вынес решение по делу C-3/20 *LR Generālprokuratūra*²⁷, в котором определил сферы действия функционального иммунитета служащего ЕС.

Рижский окружной суд обратился с преюдициальным запросом в Суд Европейского Союза о том, может ли управляющий Центрального банка (далее – ЦБ) государства-члена, и если да, то при каких условиях и в соответствии с какими договоренностями, пользоваться иммунитетом от судебного разбирательства в соответствии с Протоколом о привилегиях и иммунитетах Европейского союза (далее – Протокол) в контексте его уголовного преследования.

Суд указал, что Протокол применяется к управляющим ЦБ государств-членов как к членам органов Европейского центрального банка (далее – ЕЦБ). Они пользуются иммунитетом от судебного разбирательства, предусмотренным в статье 11(а) Протокола, в отношении действий, совершенных ими в качестве члена органа ЕЦБ, и продолжают пользоваться этим иммунитетом после того, как они перестали занимать свои должности.

Что касается цели и объема защиты, Суд отмечает, что в соответствии с Протоколом²⁸ иммунитет от судебного разбирательства предоставляется исключительно в интересах Европейского Союза. Более того, каждому институту Европейского Союза необходимо отозвать иммунитет, предоставленный должностному лицу или иному служащему, если этот институт считает, что отзыв иммунитета не противоречит интересам Европейского Союза²⁹.

Таким образом, только ЕЦБ при рассмотрении заявления об отзыве иммунитета от судебного разбирательства в отношении управляющего

---

²⁶ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.В. Королевой.

²⁷ ЕСЛ:EU:C:2021:969.

²⁸ Первый абзац статьи 17 Протокола.

²⁹ Второй абзац статьи 17 Протокола.

ЦБ в свете продолжающегося национального уголовного разбирательства должен оценить, противоречит ли такой отзыв интересам Европейского Союза.

При этом ЕЦБ и орган, ответственный за уголовное разбирательство в отношении глав национальных центральных банков, имеют общую компетенцию определять, было ли поведение, подлежащее квалификации как преступное, совершено управляющим в его официальном качестве члена органа ЕЦБ и, следовательно, подпадает под действие иммунитета от судебного разбирательства, предусмотренного в статье 11(а) Протокола.

По поводу механизма такого разделения полномочий Суд указал, что, если орган, ответственный за уголовное разбирательство, находит, что рассматриваемое поведение явно не было совершено главой центрального банка в его официальном качестве члена органа ЕЦБ, разбирательство в отношении него может быть продолжено, поскольку иммунитет от судебного разбирательства не применяется. Указанное относится к актам мошенничества, коррупции или отмывания денег, совершенным управляющим ЦБ государства-члена, и которые выходят за рамки обязанностей должностного лица или другого служащего Европейского Союза.

С другой стороны, если на любой стадии уголовного разбирательства национальный орган установит, что рассматриваемое поведение было совершено соответствующим управляющим в его официальном качестве члена органа ЕЦБ, он должен запросить отзыв судебного иммунитета. При этом национальный орган должен сначала проконсультроваться с ЕЦБ, и, если ЕЦБ посчитает, что действия были совершены управляющим в его официальном качестве, орган должен запросить у ЕЦБ отзыв иммунитета соответствующего главы ЦБ. Такие запросы об отзыве иммунитета должны удовлетворяться, если только не будет установлено, что это противоречит интересам Союза.

Кроме того, вопрос соблюдения такого разделения полномочий подлежит рассмотрению Судом³⁰, если национальные органы не выполняют свое обязательство проконсультроваться с заинтересованным учреждением ЕС в случае, когда все сомнения относительно применимости иммунитета от судебного разбирательства не могут быть разумно исключены. И наоборот, если компетентный орган ЕС отказывает в лишении иммунитета, действительность такого отказа может быть предметом для вынесения Судом решения в

---

³⁰ Статья 258 ДФЕС.

преюдициальном порядке или решения по иску, поданному заинтересованным государством-членом на основании статьи 263 ДФЕС.

Относительно объема рассматриваемого иммунитета Суд отмечает, что такой иммунитет не исключает уголовного преследования в целом: следственных действий, сбора доказательств и вручения обвинительного заключения. Тем не менее, если на стадии расследования, проводимого национальными властями, и до передачи дела в Суд будет установлено, что должностное лицо или служащий Европейского Союза может пользоваться иммунитетом от судебного преследования в отношении действий, которые являются предметом разбирательства, эти органы должны запросить отзыв иммунитета от соответствующего учреждения ЕС. Кроме того, Суд указал, что иммунитет, поскольку им пользуется заинтересованное должностное лицо или служащий Европейского Союза только в отношении конкретного деяния, не препятствует использованию доказательств, собранных в ходе расследования в отношении такого должностного лица или служащего, в других разбирательствах по отношению к другим действиям, не подпадающим под действие иммунитета или направленных против третьих лиц.

Наконец, Суд отметил, что злоупотребление национальным судебным преследованием, инициированное в отношении действий, на которые не распространяется иммунитет, с целью оказания давления на соответствующего служащего ЕС, в любом случае будет противоречить принципу добросовестного сотрудничества, закрепленному в Договоре о Европейском союзе.

Суд Европейской ассоциации свободной торговли

9. О против Правительства Норвегии (E-13/20), Criminal Proceedings против P (E-15/20): право на социальные пособия работников-мигрантов в свете принципов эквивалентности, эффективности и пропорциональности³¹

В рамках рассматриваемых дел³² Суд ЕАСТ, отвечая на преюдициальные запросы норвежских судов, обратился к анализу Директивы 2004/38/ЕС о праве на свободное передвижение и выбор места жительства применительно к ситуации, когда физическое лицо

---

³¹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

³² URL: <https://eftacourt.int/download/13-20-judgment/?wpdmdl=7330>;
<https://eftacourt.int/download/15-20-judgment/?wpdmdl=7332>

находится временно в стране и при этом запрашивает пособие по безработице, намеренно вводя в заблуждение компетентные национальные органы.

Суд ЕАСТ дополнил толкование положений Директивы применительно к странам Европейского экономического пространства (ЕЭП)³³, осуществив толкование исходя из общих принципов права ЕАСТ – эквивалентности, эффективности и пропорциональности.

Так, в рамках разбирательства по делу *E-13/20* Суд ЕАСТ пришел к выводу, что в соответствии с правом ЕАСТ компетентное государство ЕЭП должно разрешить получателям пособия по безработице проживать или оставаться на территории другого государства ЕЭП. Далее Суду предстояло ответить на вопрос, совместимо ли с правом ЕЭП требование о возврате средств и наложение санкций в виде дополнительных процентов за несоблюдение обязательства информировать компетентное учреждение о пребывании в другом государстве ЕЭП. Суд установил, что государства ЕЭП сохраняют за собой право определять в своем внутреннем законодательстве, следует ли возмещать незаконно полученные пособия и льготы. Однако государства ЕЭП должны осуществлять это право в соответствии с правом ЕЭП и его общими принципами, включая принципы эквивалентности и эффективности. Суд указал, что целью законодательства ЕАСТ является координация систем социального обеспечения государств ЕЭП, чтобы гарантировать эффективную реализацию права на свободное передвижение.

Суд также постановил, что в отсутствие законодательства ЕЭП в этой области государства ЕЭП сохраняют за собой право определять, следует ли возмещать незаконно полученные пособия и льготы. Кроме того, каждое государство ЕЭП может выбрать наказания, которые ему кажутся подходящими. Однако они должны осуществлять это право в соответствии с правом ЕЭП и его общими принципами. В частности, в соответствии с принципом эквивалентности, согласно которому эти правила не должны быть менее благоприятными, чем правила, регулирующие аналогичные внутренние действия, и принципом эффективности, согласно которому эти правила не должны делать

---

³³ Европейское экономическое пространство (ЕЭП) – пространство, созданное 1 января 1994 года Соглашением о ЕЭП и предусматривающее свободное движение товаров, капитала, услуг и людей («четыре свободы») в рамках Европейского единого рынка (также известного как внутренний рынок Европейского союза). Соглашение о ЕЭП предусматривает, что членство открыто для государств-членов ЕС или ЕАСТ. Государства ЕАСТ, которые являются участниками Соглашения о ЕЭП, участвуют во внутреннем рынке ЕС, не являясь членами ЕС, однако со значительными исключениями, в том числе в сфере сельского хозяйства и рыболовства.

практически невозможным или чрезмерно затруднять осуществление прав, предоставляемых законодательством ЕЭП.

В рамках дела *E-15/20* Суду предстояло ответить на вопрос о том, совместимо ли с правом ЕЭП наложение уголовно-правовых санкций за предоставление компетентному учреждению заведомо ложной информации об обстоятельствах, имеющих решающее значение для права на получение пособий. Суд постановил, что государства ЕЭП сохраняют за собой право определять в своем внутреннем законодательстве, могут ли применяться уголовные санкции за получение пособия по безработице путем предоставления заведомо ложной информации. При этом Суд ЕАСТ подчеркнул важность соблюдения принципа пропорциональности.

Суд ЕАСТ пояснил, сославшись на практику Суда ЕС³⁴, что, чтобы оценить, соответствует ли наказание принципу пропорциональности, необходимо принимать во внимание, среди прочего, характер и степень серьезности нарушения, для которого предназначено наказание, а также способы установления суммы наказания. Более того, принцип правовой определенности требует, чтобы в вопросах, регулируемых законодательством ЕЭЗ, законодательство государств ЕАСТ было достаточно точным и ясным, а его применение было предсказуемым субъектами. При этом Суд ЕАСТ подчеркнул, что только национальный суд должен определить, соответствуют ли санкции, предусмотренные применимым национальным законодательством, законодательству ЕЭЗ, и указал, что государства ЕЭЗ сохраняют за собой право определять, могут ли быть наложены уголовные санкции за получение пособия по безработице путем заведомо ложной информации. Однако они должны осуществлять это право в соответствии с законодательством ЕЭЗ и его общими принципами, включая принцип пропорциональности.

10. Надзорный орган ЕАСТ против Королевства Норвегии (E-9/20)³⁵: препятствия для свободы учреждения³⁶

Суд частично удовлетворил заявление Надзорного органа ЕАСТ и пришел к выводу, что требование законодательства Норвегии применительно к директорам компании – одновременно обладать гражданством и быть резидентом государства – члена ЕЭП – представляет собой препятствие для свободы учреждения.

---

³⁴ Global Starnet, C-322/16, ECLI:EU:C:2017:985, para. 61.

³⁵ URL: https://eftacourt.int/wp-content/uploads/2021/07/9_20_Judgment.pdf

³⁶ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

Положения рассматриваемого норвежского законодательства требуют как проживания, так и гражданства государства ЕЭЗ для генерального директора и не менее половины членов правления частных компаний с ограниченной ответственностью, публичных компаний с ограниченной ответственностью и финансовых предприятий, для членов корпоративного собрания в случае компаний с ограниченной ответственностью («схема корпоративных должностных лиц») и для учредителей финансового предприятия («схема учредителей»).

Норвегия заявила, что схема корпоративных должностных лиц направлена на обеспечение эффективного исполнения гражданской и уголовной ответственности корпоративных должностных лиц. Суд постановил, что обеспечение отправления правосудия как таковое представляет собой законную цель для обоснования ограничительных мер, но что сочетание указанных двух требований не является ни подходящим, ни необходимым для достижения этой цели. Комбинированное требование не гарантирует, что гражданская и уголовная ответственность членов совета директоров и корпоративного собрания может эффективно применяться последовательно и систематически.

Поскольку Норвегия считает, что простого проживания в стране достаточно для достижения цели, комбинированное требование проживания и гражданства ЕЭЗ не является ни подходящим, ни необходимым для достижения заявленной цели и, соответственно, не удовлетворяет принципу пропорциональности. Что касается схемы учредителя, Суд постановил, что требование о проживании в ЕЭЗ представляет собой ограничение свободы учреждения по смыслу статьи 31 Соглашения о ЕЭЗ. Что касается обоснования этой меры, Норвегия не представила никакого обоснования, поскольку она просто заявила, что такая мера больше не имеет практического значения в соответствии с норвежским законодательством и что норвежскому парламенту будет предложено отменить это положение.

Суд Андского сообщества

11. Дело № 259-IP-2021: возможность лицензиата блокировать параллельный импорт³⁷

Национальная служба интеллектуальной собственности Многонационального государства Боливии обратилась в Суд Андского сообщества с запросом о преюдициальном толковании отдельных статей Договора об учреждении Суда Андского сообщества, а также статей Решения Комиссии Андского сообщества от 14 сентября 2000 года № 486 «Общий режим промышленной собственности».

В Решении по данному делу³⁸ Суд осуществил толкование основных свойств и принципов правопорядка Андского сообщества, сформулировал условия исчерпания права на товарный знак, а также критерии допустимости параллельного импорта.

Перед Андским судом были поставлены вопросы: правомерность заявления компанией Toyosa S.A. ходатайства о введении мер пограничного контроля и (или) возбуждении исков о нарушении прав в отношении «предположительно неуполномоченных» третьих лиц (предполагаемых нарушителей) с целью предотвращения или приостановления ввоза, таможенной очистки или продажи автомобилей марки TOYOTA на территории Боливии в силу наличия «контракта на дистрибьюторскую деятельность Toyota»³⁹; представляет ли собой ввоз автомобилей марки TOYOTA на территорию Боливии «предположительно неуполномоченными» третьими лицами параллельный импорт и, следовательно, действовало ли исчерпание прав интеллектуальной собственности, принадлежащих Toyosa S.A.

В отношении верховенства права Андского сообщества Суд указал на основополагающий характер положения о приоритете нормы права Андского сообщества над нормой национальной права по вопросам, переданным на уровень регулирования Сообщества. В свою очередь, непосредственное применение и прямое действие обеспечивают обязательный характер и возможность требовать исполнения права Андского сообщества, как государствами-членами, так и их гражданами, которые уполномочены защищать свои права в компетентных национальных судах, а также в рамках андской системы разрешения споров в соответствующих случаях.

---

³⁷ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

³⁸ URL: <https://www.tribunalandino.org.ec/decisiones/IP/259-IP-2021.pdf>

³⁹ Заключен между Toyota Motor Corporation и Toyosa S.A., срок действия которого установлен на два года с 1 апреля 2021 года.

Принцип «необходимого дополнения»⁴⁰ предполагает, что государства-члены не могут издавать законы по вопросам, урегулированным правом Сообщества, если только они не необходимы для правильного применения первых и, как следствие, не могут устанавливать новые права и обязанности или изменять предусмотренные нормами права Сообщества. При введении таких дополнительных положений государства не вправе устанавливать условия или правила, которые нарушают право Сообщества или ограничивают существенные положения таким образом, что предоставляют меньшую защиту прав, чем предусмотрено законодательством Сообщества.

Согласно статье 276 Решения № 486 вопросы, касающиеся промышленной собственности, не урегулированные данным Решением, регламентируются внутренними нормами государств-членов. Указанное положение, предполагающее регулирование общественных отношений на основе принципа «необходимого дополнения», устанавливает, что законодательная регламентация ситуаций, не предусмотренных правом Сообщества, остается в ведении государств-членов.

В связи с тем, что в национальном судебном процессе был поставлен вопрос о том, представлял ли собой ввоз третьими лицами автомобилей марки TOYOTA на территорию Боливии параллельный импорт, Суд обратился к анализу правовых концепций параллельного импорта и исчерпания права на товарный знак.

Андский суд установил условия, при наличии которых функционирует концепция параллельного импорта: а) импорт осуществляется импортером, отличным от уполномоченного представителя или дистрибьютора; б) импортируемый товар является оригинальным; в) несмотря на то, что это оригинальный товар, он находится вне официальной торговой сети; г) импортированный товар был законно приобретен на рынке другой страны; д) товар был продан правообладателем, другим лицом с согласия правообладателя или лицом, экономически связанным с правообладателем.

Суд обозначил условия установления исчерпания права на товарный знак: а) введение в торговлю товара, защищенного регистрацией товарного знака; б) введение в торговлю товара в любой стране держателем регистрации, лицом с его согласия или лицом, экономически связанным с ним; в) товары и их контейнеры или упаковка не подвергались изменению, подделке или повреждению. Кроме того, Суд указал, что после того, как владелец товарного знака ввел свой товар

---

⁴⁰ Complemento indispensable (исп.)

в оборот в какой-либо стране, он не может под предлогом *ius prohibendi* запретить третьим лицам продавать его, поскольку ввиду того, что товар является оригинальным и не подвергался каким-либо изменениям или повреждениям, такие действия не образуют нарушения.

Андский суд отметил, что законодатель Сообщества, при формулировании положений статьи 158 Решения № 486 избрал подход в пользу параллельного импорта и исчерпания права на товарный знак по причине того, что одним из руководящих принципов интеграции в Андском сообществе является поощрение свободной конкуренции.

В связи с тем, что в национальном судебном процессе компания Toyosa S.A. заявила о существовании дистрибьюторского контракта между Toyota Motor Corporation и Toyosa S.A., на основании которого Toyosa S.A. обладала исключительными правами на использование бренда TOYOTA, Андский суд исследовал правовую концепцию лицензионных договоров на использование товарных знаков.

Учитывая то, что нормы права Андского сообщества не регулируют содержание лицензионного договора, то в данном случае применяется национальное регулирование, которое, согласно принципу «необходимого дополнения», не должно нарушать норм права Сообщества, касающихся ограничений торговли⁴¹. Суд отметил, что лицензионные и дистрибьюторские соглашения не могут препятствовать параллельному импорту. На вопрос о том, обладает ли лицензиат достаточными правомочиями, чтобы требовать применения меры пограничного контроля, Суд ответил, что держатель лицензии обладает ими в той мере, в какой он имеет на это прямое разрешение владельца товарного знака, независимо от того, указано ли это в лицензионном соглашении или в специальной доверенности, поскольку право инициировать любые действия по защите прав интеллектуальной собственности принадлежит исключительно владельцу.

Суд Андского сообщества отметил, что параллельный импорт оригинальной продукции, осуществляемый третьим лицом на территорию государства – члена Сообщества, может считаться законным при выполнении условий и требований, указанных в решении Суда, иных положениях национального права, которые являются применимыми к коммерческим операциям по импорту товаров.

---

⁴¹ Статья 163 Решения № 486 запрещает существование лицензионных соглашений, ограничивающих торговлю и противоречащих правилам Андского сообщества в отношении промышленной собственности, режима иностранного капитала, лицензий и лицензионных платежей, а также ограничительной коммерческой практики конкуренции.

12. Дело № 490-IP-2019: прерывает ли подача ходатайства о применении обеспечительных мер течение срока давности по защите прав интеллектуальной собственности⁴²

В решении от 21 июня 2021 года⁴³ Суд Андского сообщества рассмотрел запрос Палаты по гражданским делам Верховного суда судебного округа Боготы Республики Колумбия о преюдициальном толковании статей 244⁴⁴ и 245⁴⁵ Решения Комиссии Андского сообщества № 486 (далее – Решение № 486) применительно к вопросам исчисления срока исковой давности, а также подачи ходатайства о применении обеспечительных мер и перерыва течения срока исковой давности по иску о нарушении прав промышленной собственности.

Учитывая то, что в рамках национального процесса рассматривается положение о том, прерывает ли подача ходатайства об обеспечительных мерах течение срока исковой давности по искам о нарушении прав промышленной собственности, Андский суд предпринял исследование данной темы.

В соответствии со статьей 244 Решения № 486 срок исковой давности по искам о нарушении прав промышленной собственности составляет два года со дня, когда собственнику стало известно о нарушении, или, во всяком случае, пять лет с того момента, когда было совершено последнее нарушение. Если срок исковой давности истек, то подача иска является неправомерной.

В рамках рассматриваемого дела Андский суд исследовал вопрос о том, прерывает ли подача ходатайства о принятии обеспечительных мер течение срока исковой давности по делам о нарушении прав промышленной собственности.

Согласно положениям статьи 245 Решения № 486 допускается подача ходатайства об обеспечительных мерах, которое способно

---

⁴² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

⁴³ URL: <https://www.tribunalandino.org.ec/decisiones/IP/490-IP-2019.pdf>

⁴⁴ Решение № 486 Комиссии Андского сообщества

«Статья 244. - Срок действия иска о нарушении истекает через два года со дня, когда правообладателю стало известно о нарушении, или, в любом случае, по истечении пяти лет с момента, когда нарушение было совершено в последний раз»

⁴⁵ Решение № 486 Комиссии Андского сообщества

«Статья 245. - Тот, кто инициирует или собирается инициировать подачу иска о нарушении, может просить национальный компетентный орган о принятии незамедлительных обеспечительных мер, чтобы предотвратить совершение нарушения, избежать его последствий, получить или сохранить доказательства, или обеспечить эффективность иска или возмещение убытков, или ущерба.

Обеспечительные меры могут быть запрошены до подачи иска, одновременно с ним или после его подачи.»

предотвратить совершение нарушения, избежать его последствий, получить или сохранить доказательства, или обеспечить эффективность иска о нарушении.

Андский суд указал, что заявление ходатайства и рассмотрение вопроса об обеспечительной мере являются дополнительными по отношению к главному, то есть к иску о нарушении.

Как следует из части второй статьи 245 Решения № 486, а также согласно правилам процессуального права, ходатайство об обеспечительной мере (дополнительное) может быть заявлено до, одновременно и после подачи иска о нарушении (главное).

Если обеспечительная мера запрашивается вместе с подачей иска о нарушении или после предъявления такового, то она следует судьбе главного – иску о нарушении. Следовательно, если основной иск будет предъявлен в срок, это обязательно относится также к ходатайству об обеспечительной мере; а если основной иск будет предъявлен по истечении срока исковой давности, то ходатайство об обеспечительной мере также будет несвоевременным и неэффективным.

Далее Андский суд остановился на вопросе о том, что произойдет в случае, если обеспечительная мера будет запрошена до подачи основного иска о нарушении.

Суд указал на два варианта:

а) Если на момент предъявления ходатайства срок давности по иску о нарушении уже истек, то указанное требование становится недействительным, как и предъявленный позже иск о нарушении, если он будет заявлен;

б) Если на момент заявления ходатайства о принятии обеспечительной меры срок исковой давности по делу о нарушении еще не истек, подача ходатайства о принятии обеспечительной прерывает указанный срок, что оказывает положительное воздействие на иск о нарушении, поданный позднее, так как перерыв течения срока исковой давности обеспечивает результативность иска о нарушении.

Таким образом, по мнению Андского суда, истец, заявив предварительное ходатайство об обеспечительной мере, уведомляет компетентный орган о своем намерении реализовать свое право на иск о нарушении, в результате чего срок исковой давности прерывается с тем, чтобы был решен спор. Условием прерывания срока исковой давности является то, что лицо, ходатайствующее о применении обеспечительной меры, обязано предъявить иск в таком порядке, чтобы обеспечительная мера, которая предоставлена, не имела неопределенного срока действия.

Европейский суд по правам человека

*13. Willems and Gorjon v. Belgium (жалобы № 74209/16, 75662/16, 19431/19, 19653/19): формализм при рассмотрении приемлемости апелляционных жалоб как нарушение права на судебную защиту*⁴⁶

Заявители из Бельгии подали жалобы в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), утверждая, что отклонение их апелляционных жалоб Кассационным судом Бельгии были чрезмерно формальными и лишили их права на доступ к правосудию⁴⁷.

Заявители, г-жа К. Виллемс и г-н Ю. Дж. Горжон, – граждане Бельгии. Вместе с другими подсудимыми они предстали перед уголовным судом Намюра по различным обвинениям в уклонении от уплаты налога на добавленную стоимость и были осуждены в рамках уголовного производства. В ходе разбирательства в ЕСПЧ было установлено, что решение Кассационного суда Бельгии об отклонении апелляционных жалоб заявителей неприемлемо на том основании, что адвокат, подписавший жалобу, не указал, что он обладает необходимым сертификатом о прохождении обучения. Правительство Бельгии обязалось, в частности, выплатить каждому из заявителей сумму в размере 8000 евро для покрытия морального вреда и судебных издержек и расходов.

Своим решением от 13 марта 2018 года ЕСПЧ принял к сведению заявление Правительства Бельгии, указав, что ЕСПЧ может восстановить апелляционные жалобы в списке дел к рассмотрению, если Правительство Бельгии не выполнит условия своего одностороннего заявления.

Однако 7 ноября 2018 года Кассационный суд Бельгии установил, что ходатайства о возобновлении производства по делу, поданные заявителями после вынесения решения ЕСПЧ от 13 марта 2018 года, были необоснованными, и что нет необходимости в возобновлении производства по делу. Кассационный суд Бельгии также постановил, что требование, чтобы адвокат доказал, что он уполномочен быть представителем не создает проблемы с точки зрения права на доступ к суду. Таким образом, Кассационный суд Бельгии пришел к выводу, что его решение о признании апелляций неприемлемыми соответствовало требованиям Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), и постановил, что «решение ЕСПЧ от 13 марта 2018 года не имеет обязательной силы толкования. ЕСПЧ не выносил решение о

---

⁴⁶ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

⁴⁷ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-212030>

том, что абзац второй статьи 425 § 1 Уголовно-процессуального кодекса Бельгии нарушает право на доступ к суду».

28 мая 2019 года ЕСПЧ вернул дело заявителей в список дел Кассационного суда Бельгии к рассмотрению.

В то же время заявители подали новые жалобы в ЕСПЧ, ссылаясь на то, что решение Кассационного суда Бельгии от 7 ноября 2018 г. сделало невозможным возобновление производства по уголовному делу и, таким образом, лишило их права на доступ к суду по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции.

Рассматривая новые жалобы, ЕСПЧ указал, что заявители имели право ожидать, что национальные власти, включая национальные суды, добросовестно выполняют любое обязательство со стороны правительства. По мнению ЕСПЧ, если лицо было осуждено в результате судебного разбирательства, которое повлекло за собой нарушение требований статьи 6 Конвенции, Суд вправе указать, что повторное рассмотрение или возобновление дела, если оно требуется, представляет собой надлежащий способ возмещения ущерба. Тем не менее, конкретные меры по исправлению положения, которые требуются от государства-ответчика для выполнения им своих обязательств по статье 46 ЕКПЧ, обязательно зависят от конкретных обстоятельств конкретного дела. В частности, ЕСПЧ не должен указывать, как должно проходить любое новое судебное разбирательство и в какой форме оно должно проходить. Государство-ответчик свободно в выборе средств, с помощью которых оно могло бы выполнить свое обязательство поставить заявителя, насколько это возможно, в положение, в котором он или она оказались бы, если бы требования Конвенции не были проигнорированы, при условии, что такие средства были совместимы с выводами, изложенными в решении ЕСПЧ, и с гарантированным правом на защиту.

14. Xero Flor w Polsce sp. z o.o. против Польши (жалоба № 4907/18): нарушение «права на суд, созданный на основании закона» в связи с незаконным избранием судьи Конституционного суда на должность⁴⁸

7 мая 2021 года ЕСПЧ вынес решение по делу *Xero Flor w Polsce sp. z o.o. против Польши*⁴⁹ по вопросу нарушения права заявителя на справедливое судебное разбирательство (пункт 1 статьи 6 ЕКПЧ) в связи с отказом национальных судов направить запрос в Конституционный суд Польши, а также в связи с нарушением процедуры избрания судьи

---

⁴⁸ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

⁴⁹ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-210065>

коллегии Конституционного суда Польши, которая рассмотрела дело по заявлению компании.

В 2010-2011 годы продукции польской компании-производителю газонных покрытий Xero Flor был нанесен ущерб дикими животными (законодательство Польши предусматривает выплату компенсации при возникновении подобных ситуаций). В связи с выплатой компенсации не в полном объеме Xero Flor обратилась в суд. Заявитель также направил в суд ряд вопросов для передачи их в Конституционный суд Польши в форме преюдициального запроса. Вопросы касались порядка и расчета выплаты компенсации. Пройдя три процессуальные стадии рассмотрения дела, вопросы заявителя не были направлены в Конституционный суд Польши. В частности, Верховный суд Польши постановил, что компания-заявитель не смогла доказать, что ее дело касалось серьезного правового вопроса или что существовала необходимость в толковании положений, вызывающих серьезные сомнения.

В этой связи Xero Flor обратилась в Конституционный суд Польши с заявлением о проверке конституционности соответствующего законодательства. Конституционный суд принял дело к производству, назначив для рассмотрения дела коллегия из пяти судей, в которую вошел судья М.М., избранный новым Сеймом (нижняя палата Парламента) Польши восьмого созыва, несмотря на то что на это место уже был назначен другой судья предыдущим составом Парламента.

Xero Flor направила жалобу в ЕСПЧ, в которой указывала на необоснованный отказ национальных судов направить запрос в Конституционный суд Польши, а также на рассмотрение дела коллегией Конституционного суда, один из судей которой был назначен в нарушение национального законодательства.

ЕСПЧ установил нарушение пункта 1 статьи 6 ЕКПЧ (справедливость судебного разбирательства).

Как указал ЕСПЧ, пункт 1 статьи 6 ЕКПЧ обязывает суды мотивировать свои решения, вместе с тем данную норму нельзя понимать как требование о предоставлении подробного ответа на каждый аргумент. Также ЕСПЧ указал, что ЕКПЧ не гарантирует передачу дела одним национальным судом другому национальному или международному суду в порядке преюдициального запроса.

В данном деле ЕСПЧ рассмотрел вопрос о том, привели ли допущенные при назначении судей нарушения к лишению заявителя права на «суд, созданный на основании закона», применив при этом трехступенчатый тест, разработанный в деле *Гудмундур Андри*

*Астрассон против Исландии*⁵⁰: 1) имело ли место явное нарушение национального законодательства; 2) относились ли нарушения национального законодательства к основному правилу процедуры назначения судей; 3) были ли утверждения о праве на «суд, созданный на основании закона» эффективно рассмотрены национальными судами и были предоставлены средства правовой защиты.

В рамках ответа на первый вопрос ЕСПЧ дал оценку процедуре назначения судей Конституционного суда Польши и указал, что в случае избрания судей на заседании Сейма более раннего созыва, такое решение не может быть изменено на заседаниях Сейма более позднего созыва. Также ЕСПЧ указал, что судья Конституционного суда Польши М.М. был назначен с нарушением национального законодательства, поскольку судья должен избираться Сеймом, который действует в то время, когда на должность судьи объявляется вакансия. В рассматриваемой ситуации все вакансии уже были заняты действующими судьями, избранными предыдущим составом Парламента.

При ответе на второй вопрос ЕСПЧ установил, что нарушения в процедуре избрания трех судей Конституционного суда, в том числе М.М., были настолько серьезными, что нарушили законность избирательного процесса и подорвали саму суть права на «суд, созданный на основании закона».

В заключение ЕСПЧ установил, что в соответствии с действующим законодательством Польши не существует механизма, посредством которого заявитель мог бы оспорить нарушения, допущенные при назначении судьи на должность. В этой связи Суд пришел к выводу, что заявитель был лишен права на справедливое судебное разбирательство.

---

⁵⁰ Более подробнее о данном деле см.: Обзор практики международных судебных органов и судов государств – членов Союза по вопросам, представляющим интерес для Суда ЕАЭС от января 2022 года № 3, стр. 23.

Административный трибунал Международной организации труда

15. E. (Nos. 1 and 2) против Международной организации труда (МОТ)⁵¹: нарушение стандартов поведения для международной гражданской службы⁵²

В решении по делу *E. (Nos. 1 and 2) против МОТ⁵³* Административный трибунал МОТ пришел к выводу, что действия, в связи с которыми международный служащий привлечен к уголовной ответственности национальным судом, наносят ущерб репутации международной организации и являются нарушением стандартов поведения для международной гражданской службы.

Заявитель занимал должность советника заместителя Генерального директора по деятельности на местах и сотрудничеству в Международной организации труда (МОТ). В феврале 2015 года решением французского исправительного суда⁵⁴ он был признан виновным в угрозе убийством своей жены и применении к ней физического насилия. Суд назначил наказание в виде 15 суток лишения свободы условно и указал, что сведения о вынесенном приговоре не будут указаны в справке о наличии/отсутствии судимости, которая при определенных обстоятельствах представляется работодателю.

В это же время заявитель принял участие в конкурсе на должности директора двух страновых отделений, по результатам которого был назначен на должность директора отделения в Абудже. В онлайн-заявлении для участия в конкурсе заявитель указывал, что никогда не привлекался к уголовной ответственности и не был осужден⁵⁵, а также позднее представил копию справки об отсутствии судимости.

Некоторое время спустя французская полиция проинформировала МОТ о том, что заявитель привлечен к уголовной ответственности. По инициативе Генерального директора МОТ заявитель был уволен с занимаемой должности. Ему был также объявлен выговор за намеренное

⁵¹ Case *E. (Nos. 1 and 2) v. ILO* (131st Session, Judgment No. 4400).

⁵² Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

⁵³ URL: https://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=4400&p_language_code=EN

⁵⁴ Уголовный суд, рассматривающий деликты.

⁵⁵ На встрече с координатором отдела кадров Департамента развития людских ресурсов заявитель вручил ему запечатанный конверт с запиской, в которой он пояснил, что указал в анкете об отсутствии судимости из соображений конфиденциальности, но в действительности участвовал в разбирательствах во французских судах и готов предоставить соответствующую дополнительную информацию. Заявитель попросил не вскрывать этот конверт, пока он не будет рекомендован на одну из двух должностей. Впоследствии конверт был возвращен заявителю в запечатанном виде.

сокрытие факта его осуждения от МОТ, его назначение директором странового отделения в Абудже было отменено, а на указанную должность было назначено другое лицо.

Обращаясь в Административный трибунал МОТ (Трибунал), заявитель требовал отмены наложенных на него мер ответственности, восстановления в должности директора отделения в Абудже, а также компенсацию материального и морального вреда.

В решении от 14 апреля 2021 года № 4400 Трибунал отметил, что хотя международные организации не могут вмешиваться в частную жизнь своих сотрудников, последние, тем не менее, должны соблюдать требования, присущие их статусу международных гражданских служащих, в том числе в отношении их личного поведения.

Трибунал пришел к выводу, что МОТ справедливо сослалась на приговор французского исправительного трибунала и сочла доказанным преступление, в совершении которого обвинялся заявитель.

По мнению Трибунала, поведение заявителя на самом деле негативно отражалось на его статусе и ставило под угрозу репутацию и интересы международной организации. Насилие в семье, которое является не только преступлением, но и решительно осуждается обществом, представляет собой очевидное нарушение моральных принципов и требований добропорядочности, которые должны соблюдать все международные гражданские служащие. Кроме того, любая огласка такого поведения может нанести ущерб репутации и имиджу организации, особенно с учетом того, что заявитель занимал в ней руководящую должность. Как отметил Трибунал, тот факт, что в справке о наличии/отсутствии судимости не содержалось сведений об осуждении заявителя французским судом, на практике не исключает вероятности того, что третьим лицам может стать известно о его осуждении.

Таким образом, Трибунал пришел к выводу, что деяния, составляющие описанное преступление, могут быть также справедливо расценены как представляющие собой нарушение стандартов поведения для международной гражданской службы.

Трибунал также подтвердил свою позицию относительно правила о запрете двойного привлечения к ответственности. По мнению заявителя, имело место нарушение данного запрета, поскольку, прежде чем применить к нему оспариваемую дисциплинарную меру в виде увольнения, Генеральный директор МОТ уже принял решение об отмене назначения заявителя на должность директора отделения в Абудже. Как указал Трибунал, правило о двойном привлечении к ответственности исключает наложение дополнительных дисциплинарных мер за

действия, которые уже повлекли за собой дисциплинарное взыскание, но не препятствует наложению как дисциплинарных, так и недисциплинарных мер ответственности за одни и те же действия. Таким образом, это правило не запрещает международной организации принимать меры различного рода в ответ на одно и то же действие или поведение международного служащего.

На основании вышеизложенного Трибунал отказал в удовлетворении требований заявителя.

16. D. против Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО)⁵⁶: неожиданное уведомление об упразднении должности как оскорбление достоинства служащего международной организации⁵⁷

В рамках рассмотрения дела *D. против Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН*⁵⁸ Административный трибунал МОТ затронул вопрос о поведении со стороны международной организации, которое может нанести ущерб достоинству или репутации ее сотрудников.

Заявительница занимала должность младшего административного сотрудника в Женевском отделении Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО) с октября 2016 года. 8 мая 2017 года во время обеденного перерыва она обратилась к врачу, который отправил ее на больничный до 31 мая. Вернувшись в офис в тот же день 8 мая, она получила электронное письмо от заместителя директора Управления людских ресурсов (далее - УЛР), в котором ей сообщили, что ее полномочия с этого дня прекращены, поскольку ее должность подлежит упразднению. Он также указал, что, поскольку в Женеве нет другой подходящей для заявительницы должности, переназначить ее будет невозможно, но ей будет выплачена компенсация взамен уведомления, а также выходное пособие.

Заявительница направила письмо в адрес заместителя директора УЛР с просьбой предоставить ей документальное подтверждение решения об упразднении ее должности, подписанное Генеральным директором ФАО. Не получив ответа, она обратилась с заявлением к Генеральному директору, оспаривая прекращение своих полномочий и утверждая, что причина упразднения ее должности была фиктивной.

---

⁵⁶ Case *D. v. FAO* (132nd Session, Judgment No. 4411).

⁵⁷ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

⁵⁸ URL: https://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=4411&p_language_code=EN

Заявление было отклонено, но заявительнице была выплачена денежная компенсация взамен уведомления, чистый базовый оклад за три месяца в качестве выходного пособия, а также сумма за неиспользованный ежегодный отпуск в количестве 30 дней.

Не добившись удовлетворения своих требований, заявительница обратилась в Апелляционный комитет, который посчитал решение об упразднении ее должности не соответствующим правовым нормам ФАО, а основанное на нем решение об увольнении – незаконным и рекомендовал отменить данные решения и удовлетворить все требования заявительницы. Однако Генеральный директор ФАО не согласился с выводами Апелляционного комитета и предложил лишь отложить дату прекращения полномочий заявительницы до 31 мая 2017 года на основании ее больничных листов, что означало, что она получит заработную плату за данный месяц.

Обратившись в Административный трибунал МОТ, заявительница требовала присудить ей компенсацию в размере заработной платы за 16 месяцев, соответствующих оставшемуся периоду ее срочного контракта, обязать ФАО уплатить взносы в Объединенный пенсионный фонд персонала Организации Объединенных Наций за указанный 16-месячный период, а также выплатить денежные средства за неучтенные 37 дней неиспользованного отпуска. Кроме того, она требовала возмещения морального вреда и судебных расходов.

В своем решении от 7 июля 2021 года Трибунал подчеркнул, что для международной организации крайне бессмысленно и неуместно отказываться предоставлять запрашиваемые заявителем документы, которые имеют прямое отношение к его делу, а затем утверждать, что заявитель не представил соответствующих доказательств в поддержку своих доводов. Трибунал пришел к выводу, что ФАО не представила никаких доказательств того, действительно ли отделение в Женеве было реструктурировано, и если да, то произошла ли реструктуризация до принятия решения об упразднении должности заявительницы.

Трибунал отметил, что международные организации обязаны воздерживаться от любого поведения, которое может нанести ущерб достоинству или репутации их сотрудников. По мнению Трибунала, неожиданное уведомление об упразднении должности и прекращении полномочий посредством направления электронного письма явилось серьезным оскорблением достоинства заявительницы и причинило ей значительный личный ущерб, в связи с чем она имеет право на присуждение компенсации морального вреда.

Трибунал признал незаконным решение об увольнении заявительницы и, так как на момент подачи заявления в Трибунал она

достигла пенсионного возраста и не требовала восстановления на работе, присудил заявительнице компенсацию за материальный ущерб и моральный вред, возмещение судебных расходов, а также сумму, соответствующую оставшимся 37 дням ее неиспользованного ежегодного отпуска, придя к выводу, что именно из-за незаконного увольнения заявительница не могла использовать эти дни отпуска по назначению.

Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации

17. Спор между США и ЕС (Испания) (DS577) касательно антидемпинговых пошлин на оливки: вопрос специфичности субсидий⁵⁹

Спор⁶⁰ касается обжалования примененных США по итогам расследования компенсационных и антидемпинговых пошлин на спелые оливки из Испании, оспаривания административного законодательства США, а также решения Комиссии по международной торговле США (далее – USDOC) о возмещении вреда в отношении субсидирования производства поставляемых в США из Испании спелых оливок.

Возражения ЕС касались оценки определения *de jure* специфичности⁶¹, данной Министерством сельского хозяйства США (далее – Минсельхоз США) в ходе расследования по компенсационным пошлинам, в нарушение статей 2.1, 2.1(a) и 2.4 Соглашения о субсидиях и компенсационных мерах (далее – СКМ).

Третейская группа отметила, что определение специфичности, использованное USDOC, *de jure* не было основано на аргументированном обосновании того, почему доступ к субсидиям был явно ограничен производителями оливок, что, в свою очередь, не было достоверно подтверждено прямыми доказательствами.

Под прямыми доказательствами Третейская группа понимала доказательства, которые являются утвердительными, объективными и способными достоверно подтвердить определение причинения вреда, отметив, что для целей объективности, проводимое расследование должно быть беспристрастным и основываться на последовательных и

---

⁵⁹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д.В. Семашко.

⁶⁰ DS577: United States — Anti-dumping and countervailing duties on ripe olives from Spain. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds577_e.htm

⁶¹ Термин «специфичность» можно определить как ответ на вопрос, существуют ли субсидии в общем в рамках экономики или экономического секторе, или они ограничены рамками определенного числа производств или фирм. В последнем случае они являются наказуемыми по правилам ВТО.

внутренне непротиворечивых рассуждениях. Группа отметила, что обязательство провести объективную экспертизу на основе прямых доказательств является всеобъемлющим требованием, применимым ко всем аспектам определения причинения вреда.

Группа посчитала, что USDOC действовала в той мере, в какой определение специфичности *de jure* в отношении субсидий основывалось на ошибочном фактическом выводе, касающемся расчета помощи в рамках программы Единой организации рынков масел и жиров (далее – COMOF).

Третейская группа пришла к выводу, что ЕС не продемонстрировал нарушение США СКМ, ограничившись лишь указаниями на то, что Минсельхоз США основывал свои выводы о *de jure* специфичности компенсационных пошлин на спелые оливки на правилах соответствующих программ субсидирования, регулирующих расчет сумм субсидий, доступных правомочным предприятиям. ЕС не продемонстрировал, что действия USDOC противоречат СКМ, поскольку определение USDOC специфичности *de jure* зависело от того, как предполагаемые особенности завершенных программ субсидирования, использовались и интегрировались в программу предоставления новых субсидий.

ЕС, по мнению Группы, также не продемонстрировал, что действия USDOC противоречат СКМ, поскольку:

- отклонение Минсельхозом США аргументов, касающихся применения коэффициента конвергенции в рамках программы субсидирования, было подтверждено документальными доказательствами и в этой степени логично и последовательно обосновано и подтверждено прямыми доказательствами;

- обсуждение Минсельхозом США правил, регулирующих расчет платежей, продемонстрировало, что Минсельхоз США правильно установило, что платежи были произведены фермерам и что Испания не реализовывала программу субсидирования на региональной основе;

- отсутствие формального заключения о специфичности в соответствии с законодательством США не идет вразрез с определением *de jure* специфичности, предложенным USDOC в отношении программ субсидирования. Минсельхоз США сделало достаточно фактических выводов, чтобы убедиться, что эти субсидии были бы специфичными *de jure* в соответствии с его внутренним законодательством, если бы от него потребовалось сделать такое определение.

Группа пришла к выводу, что отдельные положения федерального законодательства США несовместимы со статьей VI:3 ГАТТ 1994 года и статьей 10 Соглашения СКМ, поскольку требуют от Минсельхоза США

исходить из того, что вся выгода от субсидии, предоставляемой в отношении сырьевых сельскохозяйственных ресурсов, от первичного продукта (сырья) переходит к перерабатываемому сельскохозяйственному продукту, находящемуся ниже по технологической цепочке, на основе рассмотрения только двух фактических обстоятельств, не оставляя открытой возможность учета любых других факторов, которые могут иметь отношение к определению того, имеет ли место какой-либо перенос субсидии и, если так, какова степень переноса такой субсидии.

По мнению Группы, Минсельхоз США действовал вразрез со статьей VI:3 ГАТТ 1994 года и статьей 10 СКМ при проведении расследования, поскольку ему не удалось установить наличие и степень косвенного субсидирования с учетом всех соответствующих фактов и обстоятельств. Касательно претензий ЕС в отношении решения USDOC о причинении вреда, Группа заключила, что ЕС не продемонстрировал неправомерность действий USDOC, не проанализировал объем спелых оливок из Испании на основе объективного исследования прямых доказательств, не принял во внимание «эффект объема», не провел причинно-следственный анализ влияния цен на спелые оливки из Испании на отрасль. Указанный анализ не был основан на объективном исследовании прямых доказательств.

Установив, что США в ряде случаев действовали не в соответствии со своими обязательствами по ГАТТ 1994 года и СКМ, Третейская Группа не сочла необходимым разрешать спор по существу всех требований ЕС, однако рекомендовала США привести свои меры в соответствие с их обязательствами по ГАТТ 1994 года, Антидемпинговому соглашению и СКМ.

На заседании 20 декабря 2021 года ОРС утвердил отчет Третейской Группы. Апелляция по делу не подавалась.

Инвестиционный арбитраж

18. *ООО Manolium Processing против Республики Беларусь (2018-06): вопрос начала действия Договора о ЕАЭС*⁶²

Инвестиционный арбитраж *ad hoc* рассмотрел спор⁶³ между юридическим лицом РФ и Республикой Беларусь по иску инвестора о взыскании с государства 176,3 млн. долларов США, в т.ч. 20,4 млн. в качестве стоимости утраченных инвестиций и 155,9 млн. упущенной выгоды, и проценты по 6-месячной ставке LIBOR⁶⁴ (6,5%), основанные на предполагаемых нарушениях государством положений Приложения 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), включая экспроприацию инвестиции, расторжение инвестиционного договора на строительство сооружений общественного назначения (пусковой станции, дороги, троллейбусного депо) и корреспондирующую этому утрату права на строительство торгово-развлекательного и культурного центра в Минске.

Предпосылкой для прекращения инвестиционного договора по инициативе государства стало истечение сроков разрешений на строительство до приемки результатов строительства, за чем последовало доначисление земельного налога, пеней, привлечение к административной ответственности за его неуплату, а также последующее принудительное банкротство юридического лица, созданного инвестором для реализации инвестиционного проекта.

Рассматривая юрисдикционные возражения государства касательно *ratione temporis* (отсутствие юрисдикции на рассмотрение спора, поскольку инвестиции имели место до вступления Договора в силу), Трибунал указал, что согласно пункту 65 Приложения № 16 к Договору (Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (далее – Протокол)), раздел VII Протокола применяется в отношении всех инвестиций, осуществленных инвесторами государств-членов на территории другого государства-члена, начиная с 16 декабря 1991 года. В то же время Протокол не содержит каких-либо положений касательно применения *ratione temporis*.

Констатировав вступление Договора в силу 1 января 2015 года, Трибунал обратился к пункту 65 Протокола, указав, что инвестиции,

---

⁶² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д.В. Семашко.

⁶³ URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/161/>

⁶⁴ Лондонская межбанковская ставка предложения.

сделанные истцом в 2003 и 2004 годах, охватываются действием Договора.

Однако для целей установления нарушения Договора, указанного условия недостаточно, и необходимо дополнительное *временное* условие, согласно которому Трибунал обладает юрисдикцией на рассмотрение спора о нарушении норм Договора, только начиная с даты вступления указанного соглашения в силу, то есть с 1 января 2015 года.

Признавая общее правило, закрепленное в статье 28 Венской конвенции о праве международных договоров, об отсутствии ретроспективного действия международных договоров по отношению к актам, совершенным до вступления договора в силу, Трибунал истолковал запрет обратной силы таким образом, что законность действий государства-члена согласно Договору может быть оценена только в случае, если он вступил в законную силу в момент совершения действия, принятия акта. Подтверждение указанного принципа Трибунал находит в практике государств, а также в статье 13 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁶⁵.

Трибунал рассмотрел в отдельности каждый из фактов нарушений, указанных истцом (в том числе принципов добросовестности и транспарентности, закрепленных статьей 69 Договора, а также косвенной экспроприации, запрещенной пунктом 79 Протокола, выразившееся в доначислении земельного налога, пеней, привлечении к административной ответственности за его неуплату, а также расторжении инвестиционного договора).

Относительно налогового спора Трибунал указал, что, хотя налоговое обязательство по уплате земельного налога возникло у Истца в 2013 и 2014 годах, 10-тикратное увеличение указанной суммы в виде налогов, пеней, штрафных санкций, послужившее причиной обращения за защитой, возникло в 2016 году, т.е. когда Договор уже действовал.

Касательно спора о прекращении деятельности специально созданного юридического лица инвестора (аргументы о «ползущей» экспроприации, начавшейся до вступления Договора в силу и нарушения принципа справедливого и равноправного режима в отношении инвестиций и деятельности в связи с инвестициями, осуществляемых инвесторами других государств-членов) Трибунал указал на необходимость их отдельной оценки для установления наличия *ratione temporis*.

Трибунал подчеркнул, что обе стороны сослались на статью 15 Статей об ответственности государств⁶⁶, и указал, что в то время, как

---

⁶⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12.12.2001.

⁶⁶ Статья 15:

пункт 1 определяет момент начала составного (длящегося) нарушения, пункт 2 указывает на дату и длительность нарушения и относится к действиям или бездействию, в совокупности формирующих противоправный акт. Он начинается датой совершения первого нарушения, продлевается на весь период совершения таких деяний. В свою очередь, Статьи об ответственности не дают ответа на вопрос, как применяется международный договор при наличии серии совершенных деяний, если акты государства имели место как до, так и после вступления международного договора в силу.

В связи с чем Трибунал посчитал подходящим решением разделить составные требования на индивидуальные, приходящиеся на периоды до и после вступления Договора о ЕАЭС в силу, констатировав наличие юрисдикции только по требованиям, возникшими с момента вступления Договора о ЕАЭС в силу. Именно с учетом последнего периода Трибунал должен определить, являются ли действия, совершенные государством после вступления в силу, достаточными для идентификации их в качестве нарушения международного договора.

По действиям государства, происшедшим в период между подписанием Договора и его вступлением в силу, Трибунал, сославшись на дело *Tecmed*⁶⁷, указал на необходимость соблюдения принципов международного права, отраженных в статьях 26 и 18 Венской конвенции о праве международных договоров, отметив, что добросовестность требует, чтобы в период между подписанием и вступлением в силу договора подписавшие его государства воздерживались от действий, несовместимых с объектом и целью договора. Однако, при оценке доказательств по делу Трибунал заключил, что принцип добросовестности не был нарушен.

Трибунал также отверг аргументы истца, связанные с применением принципа запрета обратной силы международного договора, закрепленного в статье 28 Венской конвенции. Истец настаивал на применении указанной нормы, поскольку, по его мнению, обстоятельства Договора «иным образом устанавливают» намерение придать ему обратную силу.

---

1. Нарушение международного обязательства государством посредством ряда действий или бездействия, определяемых в совокупности как противоправное, имеет место, когда имеет место действие или бездействие, которые в совокупности с другими действиями или бездействием достаточны для того, чтобы составить противоправное деяние.

2. В таком случае нарушение распространяется на весь период, начиная с первого действия или бездействия из серии, и длится до тех пор, пока эти действия или бездействие повторяются и остаются не соответствующими международному обязательству.

⁶⁷ *Técnicas Medioambientales Tecmed, S.A. v. The United Mexican States*, ICSID Case No. ARB (AF)/00/2. URL: <https://www.italaw.com/cases/1087>

В качестве доказательства такого намерения Истец продемонстрировал подход, использованный в Соглашении о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества, в котором прямо указано, что Соглашение не распространяется на споры, возникшие до его вступления в силу. Учитывая это, Истец сделал вывод о том, что поскольку в Договоре отсутствует эквивалентное прямое и однозначное положение, это свидетельствует о том, что стороны предполагали, что Договор будет применяться ретроспективно.

Трибунал указал, что принцип запрета обратной силы заключается в том, что договор не связывает стороны в отношении действий или фактов, которые имели место, или любой ситуации, которая прекратила свое существование до его вступления в силу. Венская конвенция допускает отступление от этого принципа только в том случае, если «иное намерение вытекает из договора или иным образом установлено», однако Договор однозначно исключает свое применение к спорам, возникшим до его вступления в силу.

В то же время Трибунал указал, что имеется одно исключение для вышеуказанного правила, если спор возникает до вступления Договора в силу, но государство принимает дополнительные меры после даты вступления в силу, которые относятся к тому же спору и подразумевают длящееся или составное нарушение Договора. В таком случае Трибунал должен оценить, является ли часть составных актов (действий), имевших место после вступления в силу, самостоятельным нарушением Договора.

Трибунал также отверг довод истца касательно использования в тексте Договора настоящего продолженного времени в формулировке пункта 84 Протокола, нежели будущего времени, отметив, что настоящее продолженное время обычно используется для демонстрации действия в настоящий момент или в ближайшем будущем, поэтому не может доказывать намерение сторон обойти общий международно-правовой принцип отсутствия обратной силы у договора.

Таким образом, установив наличие юрисдикции *ratione temporis* исключительно по требованиям нарушений Договора, имевших место после его вступления в силу, Трибунал последовательно признал наличие юрисдикции *ratione personae* и *ratione materiae* и удовлетворил требования истца в части, взыскав с Республики Беларусь 20,4 млн. долларов США, проценты по ставке LIBOR, а также арбитражные расходы.

II. Судебная практика государств – членов ЕАЭС

Республика Армения

19. Решение Административного суда РА по делу № ЧГ/10376/05/19: отсутствие нормы об урегулировании коллизий между актами ЕАЭС и законами Республики Армения⁶⁸

Административный суд Республики Армения, рассматривая дело № ЧГ/10376/05/19 от 28 октября 2020 года, столкнулся с коллизией между актами ЕАЭС и законодательством Республики Армения о безопасности продукции. При этом норма об урегулировании коллизий между актами ЕАЭС и законами Республики Армения не закреплена в национальном праве, поэтому суду предстояло самостоятельно разрешить указанную коллизию.

Закрытое акционерное общество «Альфа-Фарм» получило на основании статьи 158 Кодекса об административных правонарушениях Республики Армения административный штраф в размере 300.000 драмов РА в связи с продажей продукта питания (каши «Semper», «Humana», «Heinz») для детей в возрасте до 6 месяцев, а директор этой компании был привлечен к административной ответственности. Административный суд, указав на наднациональный характер ЕАЭС, пришел к выводу о необходимости соблюдать требования именно права ЕАЭС после вступления Республики Армения в Союз, посчитав, что законодательство Республики Армения не может повлечь ответственность за продажу товаров, разрешенных Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК), на территории Республики Армения.

Основываясь на анализе положений Договора о ЕАЭС, суд указал, что Договором был основан Евразийский экономический союз, который является международной организацией региональной экономической интеграции и имеет международную юрисдикцию. Тем самым также установлено, что продукция, в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза, вводится в обращение на территории Союза при условии, что она прошла необходимые процедуры оценки соответствия, установленные техническим регламентом Союза. При этом государства-члены обеспечивают на своей территории обращение продукции, соответствующей требованиям Технического регламента Союза, без предъявления дополнительных требований, кроме требований

---

⁶⁸ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

к этой продукции, включенных в технический регламент Союза, и без проведения дополнительных процедур оценки соответствия.

Административный суд указал, что если продукция прошла необходимые процедуры оценки соответствия, установленные техническим регламентом Евразийского экономического союза, то она подлежит введению в обращение на территории Союза и государства-члены обязаны обеспечивать на своей территории обращение продукции, соответствующей требованиям Технического регламента Союза, без предъявления дополнительных требований, кроме требований к этой продукции, включенных в технический регламент Союза, и без проведения дополнительных процедур оценки соответствия. То есть, по договору от 10 октября 2014 года Республика Армения присоединилась к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и, по сути, взяла на себя также обязательство по обеспечению регулирования обращения продукции, соответствующей требованиям Технического регламента Союза (технических регламентов Союза), и ведение соответствующей политики.

Также следует отметить, что в мотивировочной части этого решения административный суд сослался на часть 3 статьи 5 Конституции РА и указал на приоритет норм международного права: «Международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, являются неотъемлемой частью правовой системы Республики Армения, и с точки зрения ее положения в иерархии национальных правовых актов международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, имеют приоритет в случае противоречия между международными договорами и национальными правовыми актами».

Изложенное позволило административному суду прийти к выводу, что продажа продуктов питания (каши «Semper», «Humana», «Heinz») не могла повлечь за собой административную ответственность.

Республика Беларусь

20. Решение Конституционного Суда РБ № Р-1279/2021: соответствие Конституции изменений в законе «О таможенном регулировании» в части исполнения международных обязательств в рамках ЕАЭС⁶⁹

В рамках процедуры обязательного предварительного контроля конституционности законов Республики Беларусь до их подписания Президентом Конституционный Суд рассмотрел вопрос о соответствии Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» (далее – Закон)⁷⁰ Конституции, а также международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь.

Конституционным Судом отмечается, что согласно статье 2 Закона правовое регулирование отношений в сфере таможенного дела в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами Республики Беларусь, иными международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС, и законодательством о таможенном регулировании (пункт 1 указанной статьи). При этом законодательство о таможенном регулировании применяется для регулирования отношений в сфере таможенного дела, не урегулированных на наднациональном уровне (регулирующими таможенные правоотношения международными договорами Республики Беларусь, иными международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС) либо регулирование которых отнесено указанными международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС, к компетенции государств – членов ЕАЭС (пункт 2 статьи 2 Закона).

Конституционный Суд также обратил внимание на закрепленную в ряде статей Закона необходимость руководствоваться при перемещении товаров через таможенную границу и их выпуске международными договорами и актами ЕАЭС, прежде всего Таможенным кодексом ЕАЭС.

В этой связи Конституционный Суд подтвердил сформулированную им ранее правовую позицию⁷¹ о необходимости

---

⁶⁹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.М. Никонюк.

⁷⁰ Указанным Законом действующий Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» излагается в новой редакции.

⁷¹ Решения КС РБ от 8 июля 2016 года № Р-1058/2016 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об

законодателю, исходя из актуальности вопросов соотношения национального и наднационального права, при дальнейшем совершенствовании нормативно-правового регулирования соответствующих отношений *учитывать право ЕАЭС*, обеспечивая единые принципы и подходы к гармонизации и унификации законодательства государств – членов указанного межгосударственного образования. Наряду с актами внутригосударственного законодательства международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего правового регулирования.

Конституционный Суд признал, что рассматриваемым Законом совершенствуется правовое регулирование отношений в таможенной сфере в целях повышения уровня защиты экономической безопасности Республики Беларусь, улучшения транзитной и инвестиционной привлекательности страны, развития благоприятных условий деловой активности, упрощения взаимодействия участников таможенных правоотношений, реализации международных обязательств Республики Беларусь в рамках ЕАЭС, что соответствует положениям Конституции.

21. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда РБ по делу № 130-9/2020: вопросы классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС⁷²

Судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Судебная коллегия) 24 августа 2021 года вынесла постановление по кассационной жалобе общества с ограниченной ответственностью «И» (далее – Общество), рассмотрев дело о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) игры «Call of Duty».

Постановлением Судебной коллегии решение экономического суда города Минска от 7 мая 2021 года и постановление апелляционной инстанции экономического суда города Минска от 17 июня 2021 года оставлены без изменения, а кассационная жалоба Общества – без удовлетворения.

административных правонарушений и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (пункт 2.1) и от 7 мая 2018 года № Р-1123/2018 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь»» (пункт 7).

⁷² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.М. Никонюк.

Из обстоятельств дела известно, что Общество обратилось в таможенный орган с заявлением о принятии предварительного решения о классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС товара – игры «Call of Duty». К заявлению была приложена информация, указывающая на то, что товар представляет собой записанный оптический диск с программным обеспечением для игр, воспроизводимый исключительно на платформе PS4.

На основании положений национального законодательства⁷³, Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС⁷⁴ (далее – ОПИ) товар «игра “Call of duty”» был классифицирован таможенным органом в подсубпозиции 8523 49 590 0 ТН ВЭД ЕАЭС (оптические носители прочие).

Общество не согласилось с принятым предварительным решением, что послужило основанием для его обращения в суд.

По мнению Общества, данный товар подлежит классификации в подсубпозиции 8523 49 450 0 ТН ВЭД ЕАЭС как оптический носитель для воспроизведения команд, данных звука и изображения, записанный в доступной для машинного чтения двоичной форме, и которым можно манипулировать или к которому обеспечивается интерактивный доступ пользователю с помощью вычислительной машины.

В рамках рассмотрения дела Судебной коллегией отмечено, что классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам и группам, т.е. в соответствии с ОПИ 1, а если текстами не предусмотрено иное – в соответствии с положениями остальных ОПИ. Классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться согласно ОПИ 6 в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями вышеупомянутых правил при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Кроме того, принимаются во внимание пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС, основанные на пояснениях к Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации⁷⁵.

Оптические носители записанные относятся к субпозиции 8523 49 ТН ВЭД ЕАЭС. При этом в подсубпозиции 8523 49 450 0 ТН ВЭД ЕАЭС классифицируются оптические носители для воспроизведения команд,

---

⁷³ Постановление Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 13 марта 2019 года № 10 «О предварительных решениях».

⁷⁴ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54.

⁷⁵ Приняты Рекомендацией Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21.

данных звука и изображения, которыми можно манипулировать или к которым обеспечивается интерактивный доступ пользователю *с помощью вычислительной машины*.

Судебные инстанции исходили из буквального значения текста указанной товарной подсубпозиции и пришли к выводу, что выражение «с помощью вычислительной машины» в равной степени относится как к манипулированию командами, данными, звуком и изображением, так и к обеспечению интерактивного доступа пользователя. В этой связи оптические диски, которые не являются дисками универсальными цифровыми включаются в подсудпозицию 8523 49 590 0 ТН ВЭД ЕАЭС. При этом поскольку товар «Sony Playstation 4» поименован в ТН ВЭД ЕАЭС как консоль для видеоигр (товарная позиция 9504 ТН ВЭД ЕАЭС), оснований для отнесения указанной игровой приставки к вычислительным машинам для целей таможенной классификации товаров согласно терминологии ТН ВЭД ЕАЭС не имеется. Соответственно, товар «игра “Call of Duty”» при классификации для таможенных целей не удовлетворяет тексту подсубпозиции 8523 49 450 0 ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку сама по себе игра представляет собой закрытую среду и записанные на диске данные всегда остаются в неизменном виде и не подвергаются манипулированию.

Судебная коллегия подтвердила обоснованность отклонения судебными инстанциями ссылок Общества *на экспертные заключения* и указала, что данные документы не могут быть использованы для целей классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку требования технических стандартов и правил в отношении конкретной продукции не являются определяющими при классификации товаров в сфере таможенного регулирования.

Судебной коллегией не принята во внимание ссылка Общества на решение Суда Евразийского экономического суда от 7 марта 2019 года⁷⁶, в котором сформулирована правовая позиция о том, что основным критерием в вопросах классификации товара являются объективные характеристики и свойства, соотносящиеся с текстами конкретных товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и соответствующих примечаний к разделам и группам. Вместе с тем Судебная коллегия указала, что, как следует из материалов дела, при принятии оспариваемого предварительного решения таможенный орган руководствовался *именно данным правилом*, обоснованно приняв во внимание употребляемый в ТН ВЭД ЕАЭС термин «вычислительная машина» применительно к

---

⁷⁶ Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС по делу ЗАО «Санофи-Авентис Восток».

различным товарным субпозициям и дав указанному термину единообразное толкование.

22. Решение Верховного Суда РБ по делу № 1ЭАП212: запрет на осуществление координации экономической деятельности⁷⁷

Решением Верховного Суда Республики Беларусь от 4 мая 2021 года (дело № 1ЭАП212) Обществу с ограниченной ответственностью «Д» (далее – ООО «Д», заявитель) отказано в удовлетворении жалобы на решение комиссии Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) в части установления в действиях заявителя факта нарушения запрета на осуществление координации экономической деятельности.

Как следует из обстоятельств дела, комиссией МАРТ установлено, что ООО «Д» осуществляло деятельность по оказанию услуг электронного сервиса для обеспечения организации процесса автомобильных перевозок пассажиров. Заявителем использовалось программное обеспечение системы динамического ценообразования, которое позволяло с учетом результатов мониторинга рынка автомобильных перевозок пассажиров, волатильности спроса и предложения, иных факторов, самостоятельно формировать стоимость поездок, впоследствии применявшуюся автомобильными перевозчиками – участниками другого товарного рынка (рынка транспортных услуг по перевозке пассажиров). В этой связи действия ООО «Д» признаны МАРТ фактором, негативно воздействующим на конкуренцию, поскольку такие действия допускали отказ автомобильных перевозчиков от ценовой конкуренции.

Не соглашаясь с данными выводами, ООО «Д» обратилось в Верховный Суд с жалобой на решение МАРТ.

При этом ООО «Д» указало, что оказание сопутствующих автомобильным перевозкам пассажиров услуг электронного сервиса относится к товарному рынку автомобильных перевозок пассажиров, в связи с чем вывод комиссии МАРТ о наличии в его действиях признаков координации экономической деятельности участников другого товарного рынка не обоснован.

Кроме того, ООО «Д» полагало, что его договорные отношения с автомобильными перевозчиками на предмет использования ими электронного сервиса не могут рассматриваться как признак

---

⁷⁷ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.М. Никонюк.

запрещенной координации экономической деятельности, поскольку не позволяют давать контрагенту обязательные для исполнения указания.

Проанализировав нормы Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 года № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитию конкуренции» (далее – Закон), Верховный Суд пришел к следующим выводам.

Законом устанавливается запрет на осуществление физическими и юридическими лицами координации экономической деятельности, которая приводит к определенным последствиям или создает угрозу их наступления. При этом под координацией экономической деятельности понимается согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов и не осуществляющим деятельность на товарном рынке, на котором осуществляется согласование действий таких хозяйствующих субъектов.

Верховный Суд отмечает, что тем самым Закон определяет следующие признаки антиконкурентной координации: координатор осуществляет согласование действий нескольких хозяйствующих субъектов; координатор и координируемые хозяйствующие субъекты не входят в одну группу лиц; координатор и координируемые хозяйствующие субъекты осуществляют деятельность на разных товарных рынках; между координатором и координируемыми хозяйствующими субъектами не заключены «вертикальные» соглашения; координация приводит к ограничению конкуренции.

Учитывая характер действий ООО «Д», позволявших автомобильным перевозчикам соотносить свою экономическую деятельность с электронным сервисом заявителя, который формирует, в том числе логистику маршрутов перевозок пассажиров, локацию остановочных пунктов, стоимость проезда, Верховный Суд пришел к выводу о том, что комиссия МАРТ обоснованно усмотрела в действиях данной организации, признаки координации экономической деятельности автомобильных перевозчиков и сделала вывод о наличии совокупности критериев, ограничивающих конкуренцию.

Верховный Суд также признал несостоятельными доводы ООО «Д» о необходимости отнесения его деятельности к товарному рынку автомобильных перевозок пассажиров. Суд указал, что ООО «Д» не учитывается очевидное разграничение функционала маркетплейса (электронной платформы, которая предоставляет информацию об инфраструктуре автомобильных перевозок пассажиров по определенным маршрутам) от функционала перевозок пассажиров автомобильным транспортом как таковых, смешение которых исходя из понятия

«товарный рынок», установленного в Законе (статье 1), не предусмотрено. Востребованность предоставляемых ООО «Д» информационных услуг двумя группами их потребителей (пассажирами и автомобильными перевозчиками) косвенно подтверждает осуществление им деятельности на товарном рынке, отличном от товарного рынка автомобильных перевозок пассажиров, так как оказываемые на этих рынках услуги не взаимозаменяемы (аналогичны).

Республика Казахстан

23. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Туркестанского областного суда № 2а-1367: меры защиты внутреннего рынка – антидемпинговые меры⁷⁸

Судебная коллегия по гражданским делам Туркестанского областного суда Республики Казахстан при рассмотрении дела относительно мер защиты внутреннего рынка ЕАЭС применила положения Правил определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, утвержденных решением Совета ЕЭК от 13 июля 2018 года № 49.

Постановлением от 5 января 2021 года № 2а-1367 Судебная коллегия оставила без удовлетворения апелляционную жалобу товарищества с ограниченной ответственностью «Шариф Металл» (далее – Товарищество), решение специализированного межрайонного экономического суда Туркестанской области от 24 сентября 2020 года – без изменения.

Как следует из обстоятельств дела, Товариществом в период с 5 марта по 13 мая 2019 года из Республики Узбекистан на территорию Республики Казахстан осуществлен ввоз товара «металлопрокат-прутки из нелегированной стали, имеющие выемки».

Департамент государственных доходов по Туркестанской области (далее – Департамент) по результатам камеральной таможенной проверки по вопросу правильности применения кода ввезенных товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС доначислил Товариществу антидемпинговую пошлину, о чем вынесено уведомление об устранении нарушений от 18 мая 2020 года №14. Основанием для вынесения уведомления послужило непредоставление Товариществом непреференциального сертификата на ввезенный товар.

---

⁷⁸ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.А. Турехановым.

Судебная коллегия отметила, что согласно положениям Протокола о применении Договора о зоне свободной торговли СНГ от 18 октября 2011 года между его сторонами и Республикой Узбекистан его участники не применяют таможенные пошлины в отношении импорта товаров, происходящих с таможенной территории Республики Узбекистан.

Положения Правил определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, утвержденных Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 13 июля 2018 года № 49, предусматривают, что в случае применения мер защиты внутреннего рынка (специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры), обусловленных происхождением товара, происхождение аналогичных товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, должно быть обязательно подтверждено сертификатом о происхождении товара, за исключением случаев, когда защитная мера соблюдена (например, уплачена антидемпинговая пошлина) либо общая таможенная стоимость аналогичного товара не превышает сумму, эквивалентную 150 долларам США.

При этом указанные Правила не устанавливают обязательную форму сертификата о происхождении товара для целей подтверждения происхождения товаров в рамках непреференциальной торговли, тем самым может использоваться любой сертификат о происхождении товара, который выдается в стране экспорта товара (например, сертификат о происхождении общей формы), однако он должен быть оформлен в соответствии с требованиями Правил и подтверждать выполнение установленных критериев происхождения.

Товарищество предоставило декларацию с классификацией товара по товарной подсубпозиции 7214 20 000 0, которая подпадает под меры защиты внутреннего рынка согласно Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии № 28 от 29 марта 2016 года «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза». В частности, Приложением №1 вышеуказанного решения Комиссии в отношении прочих производителей предусмотрена ставка антидемпинговой пошлины в размере 10,11% таможенной стоимости ввезенного товара.

Исходя из вышеуказанных положений Правил определения происхождения товаров, Судебная коллегия приходит к выводу, что помимо преференциального сертификата о происхождении товара

формы СТ-1, Товариществу следовало предоставить также сертификат непреференциальной формы.

Судебная коллегия, соглашаясь с выводами суда первой инстанции об обоснованности и законности оспариваемого уведомления, оставила решение специализированного межрайонного экономического суда Туркестанской области от 24 сентября 2020 года без изменения, а апелляционную жалобу Товарищества – без удовлетворения.

24. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Атырауского областного суда № 2399-21-00-2а/90: классификация товаров согласно ТН ВЭД ЕАЭС – самоходные бетоносмесители⁷⁹

Судебная коллегия по гражданским делам Атырауского областного суда Республики Казахстан при рассмотрении дела относительно классификации товаров согласно ТН ВЭД ЕАЭС проанализировала критерий «самоходности».

Постановлением от 17 марта 2021 года № 2399-21-00-2а/90 Судебная коллегия оставила без удовлетворения апелляционную жалобу Департамента государственных доходов по Атырауской области Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан (далее – Департамент), решение специализированного межрайонного экономического суда Атырауской области от 9 декабря 2020 года без изменения.

Как следует из обстоятельств дела, товарищество с ограниченной ответственностью «ТрастМашОйл-Казахстан» (далее – Товарищество) в течение 2018-2019 годов приобрело на территории Европейского Союза самозагружающиеся мобильные бетонные миксеры (далее – самоходные бетоносмесители) и произвело их таможенное оформление по коду 8474 31 000 9 ТН ВЭД ЕАЭС.

18 мая 2020 года Департамент согласно письменному указанию Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан об усилении контроля за правильностью таможенного оформления и соответствию декларируемых товаров коду ТН ВЭД ЕАЭС и решению Коллегии Евразийской экономической комиссии № 105 от 25 августа 2017 года признал ошибочным заявленный Товариществом код товара 8474 31 000 9, поскольку, по мнению Департамента, ввезенные самоходные бетоносмесители обладают характерными свойствами товаров, классифицируемых в товарной позиции 8705 ТН ВЭД ЕАЭС.

---

⁷⁹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.А. Турехановым.

Департамент 18 июня 2020 года в отношении Товарищества вынес уведомление об устранении нарушений и возложил обязанность самостоятельно устранить нарушения таможенного законодательства путем уплаты ввозной таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость.

Решением специализированного межрайонного экономического суда от 9 декабря 2020 года решения о классификации товаров, принятые Департаментом в отношении самоходных бетоносмесителей, а также уведомление об устранении нарушений, вынесенное Департаментом, признаны незаконными.

Согласно Пояснениям к товарной позиции 8474 ТН ВЭД ЕАЭС относятся машины для смешивания или перемешивания, которые состоят в основном из емкости, оборудованной лопастями или иными перемешивающими устройствами. Тем не менее, бетономешалки, постоянно установленные на железнодорожной платформе или на шасси грузового автомобиля, не включаются в товарную позицию 8474.

В товарную позицию 8705 ТН ВЭД ЕАЭС, в свою очередь, включается ряд моторных транспортных средств, специально сконструированных или приспособленных для размещения различных устройств, которые дают им возможность выполнять определенные нетранспортные функции, то есть основной целью транспортного средства указанной товарной позиции не является перевозка людей или грузов. В товарную позицию 8705 включаются автобетономешалки, состоящие из кабины и автомобильного шасси, на котором постоянно смонтирована бетономешалка, приспособленная как для изготовления, так и для перевозки бетона.

Для включения в товарную позицию 8705 транспортное средство, имеющее подъемное или погрузочно-разгрузочное оборудование, нивелировочное, землеройное или буровое оборудование и т.д., должно фактически содержать следующие механические агрегаты: двигатель, обеспечивающий движение, коробку передач и органы управления переключением передач, рулевые и тормозные устройства.

Самоходные машины (краны, экскаваторы), в которых один или более элементов, обеспечивающих движение, расположены в кабине рабочей машины, смонтированной на колесном или гусеничном шасси, независимо от того, может ли машина в целом передвигаться по дороге своим ходом или нет, включаются в соответствующую товарную позицию 8426, 8429 или 8430.

В товарную позицию 8705 также не включаются самоходные колесные машины, в которых шасси и рабочее оборудование специально подогнаны одно к другому и образуют единый механический агрегат.

Судебная коллегия, соглашаясь с выводами суда первой инстанции о том, что бетоносмесительная машина с функцией самозагрузки, предназначенная для смешивания и перемешивания компонентов при изготовлении бетона и растворов, состоящая из емкости барабанного типа, оборудованной перемешивающими устройствами, и загрузочного ковша, установленных на полноприводном колесном шасси шарнирно-сочлененного типа, конструктивно объединенная с указанным шасси и образующая с ним единый механический агрегат не может быть классифицирована в субпозиции 8705 40 000 ТН ВЭД, решение специализированного межрайонного экономического суда Атырауской области от 9 декабря 2020 года оставила без изменения, а апелляционную жалобу Департамента – без удовлетворения.

Кыргызская Республика

25. Решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики № 08-р⁸⁰

21 октября 2020 года Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики вынесла решение по делу по обращению Иманалиева Курманбека Белековича, в котором рассмотрела вопрос соотношения принципа независимости судьи и необходимости осуществления контроля за его профессиональной деятельностью.

По мнению заявителя, часть 2 статьи 12 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», в соответствии с которой от судьи может быть потребован отчет по конкретному делу в случае, если рассматривается вопрос о его ответственности, а также внесенные в статью 28 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» изменения⁸¹, закрепляющие, что для признания в действиях судьи очевидного и грубого нарушения законности при осуществлении правосудия необходимо дать оценку и получить объяснения судьи по принятому судебному акту, противоречат Конституции Кыргызской Республики.

---

⁸⁰ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.В. Королевой.

⁸¹ В соответствии с конституционным Законом Кыргызской Республики от 28 июля 2017 года № 148 «О внесении изменений в конституционный Закон «О статусе судей Кыргызской Республики» дисциплинарным проступком признается виновное действие или бездействие судьи при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, выразившееся в очевидном и грубом нарушении законности при осуществлении правосудия.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, рассмотрев обращение Иманалиева К.Б., указала, что крайне важным является соблюдение органом, осуществляющим дисциплинарное производство, принципа соразмерности применяемых взысканий, а также адекватности мер, принимаемых для выяснения всех сторон обжалуемого действия или бездействия судьи, которые не должны нарушать принцип его независимости и неприкосновенности, но при этом, не отвергая его ответственности перед обществом. Судьи могут сохранить независимость только в условиях такой системы дисциплинарной ответственности, которая является надежной, предсказуемой, справедливой и защищенной от злоупотреблений и произвола.

Вместе с тем Суд подчеркнул, что оспариваемое нормативное положение части 2 статьи 12 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» содержащее исключение из конституционного запрета истребования у судьи отчета по конкретному судебному делу, создает условия для возможно произвольного применения этого правомочия в процессе дисциплинарного производства.

Конституционная палата пришла к выводу, что оспариваемое нормативное положение недопустимо искажает суть требований, закрепленных в Конституции Кыргызской Республики, а также умаляет не подлежащее ограничению право человека на судебную защиту и нарушает запрет на всякое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия.

Относительно пункта 1 части 2 статьи 28 Конституционного закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики» Конституционная палата указала, что данное положение будет соответствовать требованиям Конституции при условии его применения в том конституционно-правовом смысле, который определен в настоящем Решении, что исключает возможность всякого иного его истолкования в правоприменительной практике.

В частности, Суд отметил, что в основе оценки деятельности судьи должен лежать базовый принцип разграничения проступков, заслуживающих наказания, от случаев, ставших следствием добросовестного заблуждения и, ввиду этого, не подлежащих юридической ответственности. При этом установление наличия судебной ошибки возможно исключительно посредством пересмотра и оценки судебного акта вышестоящим судебным органом.

Любая процедура проверки судебных актов, осуществляемая несудебными органами, с целью оценки действий/бездействий судьи на наличие оснований для применения к нему мер дисциплинарной

ответственности принципиально недопустима. Предоставление подобного полномочия органу, осуществляющему дисциплинарное производство в отношении судей, означает отрицание самой природы правосудия, неизменяемости, неопровержимости, исключительности, преюдициальности, обязательности и исполнимости судебного акта, а также такого исключительного свойства судебного акта как обеспечение прочности юридического порядка.

Как указала Конституционная палата, при выборе между обеспечением независимости судьи или необходимостью усиления контроля за его профессиональным соответствием, приоритет должен быть отдан независимости, поскольку ее отсутствие будет свидетельствовать о системном и разрушительном недостатке всей судебной системы.

Суд также выделил в качестве существенного недостатка действующего дисциплинарного производства отсутствие четких критериев определения очевидности и грубости нарушений законности, которые могут быть допущены при осуществлении правосудия. Неясность и неопределенность указанных правовых признаков несет в себе риск произвольного применения дисциплинарных взысканий, в том числе в целях воздействия на судей.

Таким образом, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики признала часть 2 статьи 12 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», закрепляющую возможность потребовать от судьи отчет по конкретному судебному делу в случае, если рассматривается вопрос о его ответственности, противоречащей Конституции.

Российская Федерация

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 590-О: оспаривание хозяйствующим субъектом положений ТК ТС и ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу⁸²

25 марта 2021 года Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) вынес Определение по делу по жалобе ПАО завод «Красное знамя» об оспаривании конституционности утратившего силу пункта 2 статьи 81 ТК ТС и пункта 2 статьи 56 ТК ЕАЭС.

По мнению ПАО завод «Красное знамя», оспариваемые положения ТК ТС и ТК ЕАЭС противоречат статьям 8, 17 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 - 3), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации, поскольку они допускают произвольное привлечение к солидарной ответственности покупателя товара, ввезенного третьим лицом с нарушением таможенного законодательства.

Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы к рассмотрению и пришел к следующим выводам.

Со ссылкой на предыдущую практику⁸³ КС РФ указал, что уплата таможенных платежей – необходимое условие таможенного оформления товаров, оно представляет собой по существу не гражданско-правовое обязательство, а публично-правовую обязанность, лежащую на лицах, участвующих в таможенных операциях, прежде всего непосредственно на декларантах – лицах, перемещающих товары.

По общему правилу именно декларант как лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары, является ответственным за уплату таможенных платежей. Однако в случае выявления в установленном законом порядке фактов незаконного перемещения товаров через таможенную границу допускается отступление от указанного общего правила. Так, при ввозе таких товаров на таможенную территорию обязанность по уплате таможенных платежей возникает солидарно у лиц, которые приобрели незаконно ввезенные товары, если они знали или должны были знать о незаконности ввоза (пункт 2 статьи 81 ТК ТС, пункт 2 статьи 56 ТК ЕАЭС).

---

⁸² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

⁸³ Определения КС РФ от 27 ноября 2001 года № 202-О и от 8 февраля 2011 года № 191-О-О.

КС РФ указал, что оспариваемые нормативные положения, устанавливающие только в предусмотренных в них случаях солидарную обязанность по уплате таможенных платежей, сами по себе не могут расцениваться как предполагающие возможность их произвольного применения и как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Проверка же обоснованности правоприменительных решений, в том числе в части установления оснований для наступления солидарной ответственности заявителя, не относится к компетенции КС РФ на основании статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

27. Определение Конституционного Суда РФ № 191-О: оспаривание конституционности нормы, определяющей новые обстоятельства как основания для пересмотра судебных актов⁸⁴

10 февраля 2022 года Конституционный Суд Российской Федерации вынес Определение № 191-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области, поданной в интересах ООО «Производственное предприятие «Ремдизель» (далее – ООО «Ремдизель»), в которой оспаривалась конституционность части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) как препятствующей, по мнению заявителя, восстановлению его нарушенных прав и интересов вследствие того, что данная норма не допускает пересмотра по новым обстоятельствам судебных актов арбитражных судов в связи с определением/изменением практики применения правовой нормы Судом ЕАЭС.

В 2014 году ООО «Ремдизель» оспаривал в арбитражных судах акты Омской таможни о классификации ввезенных им на территорию Российской Федерации судовых дизельных двигателей для привода генератора: в декларации на товары был заявлен код 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС – «Двигатели для силовых судовых установок», которому соответствовала ставка ввозной таможенной пошлины 0%; Омской таможней товары были переклассифицированы в субпозиции 8408 90 «Двигатели прочие» со ставкой ввозной таможенной пошлины 9%.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований ООО «Ремдизель», придя к выводу, что таможенным органом верно установлены технические характеристики товара и классификационные

---

⁸⁴ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

признаки, позволяющие описать и кодировать товар в товарную субпозицию 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

В 2019-2020 годах ООО «Ремдизель» пытался добиться пересмотра вынесенного в отношении него в 2014 году решения по делу в связи с новыми обстоятельствами, а именно принятием Судом ЕАЭС решения от 18 июня 2019 года по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» (оставлено без изменения решением Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года), которым решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15⁸⁵ (далее – Решение № 15) о классификации судовых дизельных двигателей в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС было признано несоответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Арбитражный суд Омской области удовлетворил требование ООО «Ремдизель», признав в качестве нового обстоятельства изменение практики применения таможенных правил ввиду признания Судом ЕАЭС Решения Коллегии ЕЭК № 15 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках ЕАЭС, и – с учетом отсутствия в статье 311 АПК РФ соответствующего основания для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта – применил по аналогии пункт 5 части 3 данной статьи, согласно которому новым обстоятельством является «определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы...».

Однако арбитражные суды вышестоящих инстанций не согласились с данным подходом и не усмотрели новых обстоятельств, имеющих существенное значение для пересмотра дела. Определением Верховного суда РФ от 3 ноября 2020 года было отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам.

По мнению заявителя, часть 3 статьи 311 АПК РФ противоречит части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации (о гарантировании судебной защиты прав и свобод), поскольку не допускает пересмотр по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов в связи с определением либо изменением решением Суда ЕАЭС практики применения правовой нормы, чем препятствует хозяйствующим субъектам в восстановлении нарушенных прав и законных интересов.

Как указал Конституционный Суд РФ в Определении № 191-О, из положений статьи 46 во взаимосвязи со статьями 1 (часть 1), 15 (части 1, 2 и 4), 17 (часть 1), 67.1 (часть 1) и 79 Конституции РФ, не следует, что в

---

⁸⁵ «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС».

случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, ее национальным законодательством в обязательном порядке – безотносительно к содержанию соответствующего международного договора – должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда, тем более когда заявление об их пересмотре подают лица, не обращавшиеся в межгосударственный суд.

По мнению Конституционного суда, отсутствуют основания для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, образованных в соответствии с международными договорами Российской Федерации (в том числе на решения Суда Евразийского экономического союза), правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П⁸⁶ в отношении актов Европейского Суда по правам человека, констатирующих нарушение конвенционных прав и свобод.

Опираясь на положения Статута Суда ЕАЭС, Конституционный суд РФ пришел к выводу, что акты Суда ЕАЭС о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений.

С учетом вышеизложенного, Конституционный суд РФ указал, что часть 3 статьи 311 АПК РФ не может рассматриваться в системе действующего правового регулирования как нарушающая конституционное право на судебную защиту.

---

⁸⁶ В указанном постановлении Конституционный суд дал толкование части 2 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (содержащей основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступивших в законную силу) как допускающей пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в силу решений судов на основании постановлений Европейского суда по правам человека, выявившего нарушения национальными судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении ими дела по существу.

*28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2: разъяснение проблемных вопросов применения антимонопольного законодательства Российской Федерации*⁸⁷

4 марта 2021 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Целью принятого судебного акта явилось обеспечение единства практики применения судами Российской Федерации антимонопольного законодательства на территории Российской Федерации.

В отношении сферы действия антимонопольного законодательства Верховный Суд отметил, что оно не распространяется на деятельность коммерческих организаций и других лиц, если она не связана с конкуренцией на товарном рынке, например, если она проявляется в участии в благотворительности или предоставлении социальной помощи гражданам, добровольном участии таких лиц в иной общепольной деятельности, не связанной с извлечением выгоды из обращения товаров на рынке. Однако в случае, если при осуществлении такой деятельности выгода предполагается, антимонопольные требования действуют.

Относительно понятия «группы лиц» Верховный Суд указал, что для целей применения антимонопольных запретов группа лиц рассматривается как один участник рынка. К лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке. Автономность может подтверждаться отсутствием у других участников группы достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на поведение такого лица. Соответствующие доказательства автономности должны быть представлены заявителем.

При этом Верховный Суд отметил, что к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства привлекаются те отдельные входящие в группу лица, чьи действия (бездействие) непосредственно образуют состав правонарушения.

По вопросам определения доминирующего положения Верховный Суд указал, что занимающим доминирующее положение на рынке признается субъект, если он имеет возможность действовать независимо от конкурентов и потребителей на рынке определенного товара и, следовательно, обладает возможностью самостоятельно в

---

⁸⁷ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

одностороннем порядке оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов, затруднять им доступ на товарный рынок. В связи с этим при проверке наличия доминирования хозяйствующего субъекта на товарном рынке оценивается его положение относительно существующих на рынке конкурентов (занимаемая доля на рынке), потенциальных конкурентов (возможность доступа на рынок) и потребителей.

Злоупотреблением доминирующим положением признается поведение доминирующего на товарном рынке субъекта, если оно выражается в одной из следующих форм: недопущение, ограничение, устранение конкуренции на товарных рынках, причинение вреда иным участникам рынка, включая извлечение необоснованной (монопольной) выгоды за их счет, иное подобное ущемление прав участников рынка.

В отношении запрета на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия Верховный Суд указал, что достигнутые между хозяйствующими субъектами договоренности (соглашения), согласованные действия запрещаются антимонопольным законодательством, если целью и (или) результатом соглашений и согласованных действий является недопущение (устранение, ограничение) соперничества хозяйствующих субъектов на товарных рынках.

Одновременная квалификация поведения хозяйствующих субъектов как ограничивающего конкуренцию соглашения и как координации экономической деятельности не допускается.

По вопросам установления нарушения запрета недобросовестной конкуренции Верховный Суд указал, что при рассмотрении таких споров должны быть установлены в совокупности:

- факт осуществления хозяйствующим субъектом действий, способных оказать влияние на состояние конкуренции;
- отличие избранного хозяйствующим субъектом способа конкуренции на рынке от поведения, которое в подобной ситуации ожидалось бы от любого субъекта, преследующего свой имущественный интерес, но не выходящего за пределы осуществления гражданских прав и честной деловой практики;
- направленность поведения хозяйствующего субъекта на получение преимущества, в частности имущественной выгоды или возможности ее извлечения, при осуществлении экономической деятельности за счет иных участников рынка, в том числе посредством оказания влияния на выбор покупателей (потребителей), на возможность иных хозяйствующих субъектов, конкурирующих добросовестно,

извлекать преимущество из предложения товаров на рынке, на причинение вреда хозяйствующим субъектам-конкурентам иными подобными способами (например, в результате использования (умаления) чужой деловой репутации).

Для доказывания факта недобросовестной конкуренции необходимо установление как специальных признаков, определенных нормами статей 14.1 - 14.7 Закона о защите конкуренции⁸⁸, так и общих признаков недобросовестной конкуренции, предусмотренных пунктом 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции, статьей 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности⁸⁹.

По вопросу о последствиях несоблюдения антимонопольным органом определенного законом порядка реализации полномочий Верховный Суд указал, что данный факт может являться основанием для признания недействительными соответствующих актов антимонопольного органа, если это привело или могло привести к нарушению прав и законных интересов соответствующего лица.

Верховный Суд подтвердил возможность рассмотрения арбитражными судами дел об оспаривании приказов антимонопольного органа о назначении проверки и приказа о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства. При этом он указал, что данными актами не разрешается вопрос о наличии в действиях лица соответствующих нарушений. В связи с этим при оспаривании указанных актов арбитражный суд должен проверить только основания, исключаящие в силу закона возможность их вынесения.

Например, для приказа о проведении проверки такими основаниями могут являться: выход предмета проверки за пределы полномочий антимонопольного органа, нарушение допустимой периодичности проведения плановых проверок, назначение внеплановой проверки в отсутствие установленных законом оснований, без необходимого в определенных случаях согласования с органом прокуратуры.

Приказ о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства может быть оспорен по основаниям, исключаящим возможность возбуждения дела, например в связи с истечением к моменту возбуждения дела срока давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства. Тот факт, что компания не оспорила решение или предписание, не может расцениваться как

---

⁸⁸ Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

⁸⁹ Конвенция по охране промышленной собственности, заключена в Париже 20 марта 1883 года (ред. от 2 октября 1979 года).

согласие с установленными в них фактами при рассмотрении иска антимонопольного органа в суде.

При рассмотрении данной категории споров судам необходимо учитывать, на стадии возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган не рассматривает по существу вопрос о наличии нарушения, но анализирует, приведены ли в заявлении обстоятельства, которые могут свидетельствовать о наличии в действиях конкретного лица признаков нарушения антимонопольного законодательства, и представлены ли в подтверждение этих обстоятельств доказательства (либо указано на невозможность представления определенных документов и лицо, у которого они могут быть истребованы). Антимонопольный орган также не связан квалификацией указанных в заявлении действий, которую дает заявитель, а самостоятельно дает им квалификацию, в том числе на стадии возбуждения дела, исходя из содержания заявления и приложенных к нему доказательств.

Верховный Суд отметил, что несоблюдение установленного порядка рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства может являться основанием для признания недействительными решения и (или) предписания антимонопольного органа, вынесенных по результатам рассмотрения дела, если допущенные нарушения являлись существенными.

Существенность нарушений оценивается исходя из последствий, которые данными нарушениями вызваны для лица, обратившегося в суд, а также возможного влияния допущенных нарушений на исход дела.

Для доказывания факта нарушения законодательства о защите конкуренции, по общему правилу, требуется проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке. При этом судам необходимо исходить из того, что аналитический отчет о результатах анализа состояния конкуренции на товарном рынке относится к письменным доказательствам и должен отвечать требованиям закона, предъявляемым к данному виду доказательств. Аналитический отчет не предопределяет выводов о наличии (об отсутствии) антимонопольного нарушения, не имеет заранее установленной силы по отношению к иным доказательствам и подлежит оценке судом наряду с прочими доказательствами, представленными в материалы дела.

29. Решение Верховного Суда РФ № АКПИ21-612: об оспаривании Разъяснений о классификации отдельных товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС⁹⁰

7 октября 2021 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело об оспаривании положений Разъяснений о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных товаров (далее – Разъяснения), утвержденных приказом Федеральной таможенной службы (далее – ФТС России) от 14 января 2019 года № 28.

Согласно подпункту 225.1 пункта 225 Разъяснений⁹¹ одной из отличительных характеристик бревен хвойных пород⁹² является диаметр в наименьшем сечении не менее 15 см. По мнению открытого акционерного общества «Гернейлес» (далее – Общество, административный истец), данное положение противоречит ТН ВЭД ЕАЭС, а также Пояснениям к единой ТН ВЭД ЕАЭС⁹³, которые не содержат указаний на наименьшее поперечное сечение или наименьший диаметр бревен и применяются только к бревнам с наибольшим поперечным сечением 15 см и более. Административный истец также полагает, что оспариваемое положение Разъяснений не соответствует требованиям ГОСТов⁹⁴.

Как следует из обстоятельств дела, до внесения изменений в Разъяснения к категории «бревна»⁹⁵ относились лесоматериалы пород ель, пихта и лиственница с размером наибольшего поперечного сечения 15 см и более. Общество получило лицензии по квотам для реализации круглых лесоматериалов хвойных пород. Однако после вступления в силу изменений лесоматериалы круглые, имеющие более 15 см в наибольшем сечении, но менее 15 см в наименьшем сечении стали

---

⁹⁰ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.В. Королевой.

⁹¹ Данное положение внесено в Разъяснения приказом ФТС России от 7 декабря 2020 года № 1068.

⁹² Товар классифицируется в подсубпозициях 4403 21 110 0, 4403 23 110 0, 4403 23 910 0 и 4403 25 910 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

⁹³ В редакции от 6 октября 2020 года.

⁹⁴ Пункту 3.2 «ГОСТ 32594-2013. Межгосударственный стандарт. Лесоматериалы круглые. Методы измерений», введенному в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2013 года № 2413-ст; а также пункту 3.3 «ГОСТ 9463-2016. Межгосударственный стандарт. Лесоматериалы круглые хвойных пород. Технические условия», введенному в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 сентября 2016 года № 1255-ст.

⁹⁵ Коды ТН ВЭД 4403 23 9100, 4403 25 9100.

квалифицироваться в позиции «прочие»⁹⁶. На товары с данными кодами ТН ВЭД ЕАЭС Общество лицензии не получало. Реализация лесоматериалов без применения льготы по квоте облагается таможенной пошлиной в размере 80% от таможенной стоимости и в этой связи не представляется истцу возможной.

Верховный Суд Российской Федерации не нашел оснований для удовлетворения административного искового заявления. Суд установил, что оспариваемые Разъяснения изданы уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС, в соответствии с требованиями Федерального закона о таможенном регулировании⁹⁷, ТК ЕАЭС и в пределах предоставленных органу полномочий.

Верховный суд также отметил, что оспариваемое нормативное положение не противоречит праву ЕАЭС, включая требования Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС, и национальному законодательству Российской Федерации.

Как указывает Суд, Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС являются вспомогательным рабочим материалом, призванным обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС, которые содержат толкование содержания позиций номенклатуры, термины, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из тех или иных позиций, методы определения различных параметров товаров и другую информацию, необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Пояснениями к товарной позиции 4403 ТН ВЭД ЕАЭС определены следующие характеристики товара «бревна»⁹⁸: бревно цилиндрической формы, с ровной текстурой древесины, без существенного изгиба, диаметром не менее 15 см.

Верховный Суд обратил внимание на то, что в субпозицию 4403 95 000 ТН ВЭД ЕАЭС, на которую распространяется термин «бревна», включаются лесоматериалы из березы с размером наибольшего поперечного сечения 15 см или более. При этом бревна из березы, классифицируемые в подсубпозиции 4403 95 000 1 ТН ВЭД ЕАЭС,

---

⁹⁶ Коды ТН ВЭД 4403 23 9900, 4403 25 9900.

⁹⁷ Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁹⁸ Классифицируется в подсубпозициях 4403 21 110 0, 4403 21 910 0, 4403 23 110 0, 4403 23 910 0, 4403 25 910 0, 4403 91 100 0, 4403 93 100 0, 4403 95 000 1 ТН ВЭД ЕАЭС.

имеют три обязательные характеристики: размер наибольшего поперечного сечения 15 см или более, диаметр наименьшего поперечного сечения не менее 15 см, длина не менее 1 м, что соотносится с Пояснениями к товарной позиции 4403 ТН ВЭД ЕАЭС.

Соответственно, оспариваемое положение Разъяснений не изменяет подходов классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС и не противоречит Пояснениям к ТН ВЭД ЕАЭС.

Верховный суд также указал, что утверждение административного истца о несоответствии оспариваемой нормы Разъяснений указанным им ГОСТам является несостоятельным, поскольку ГОСТы не являются нормативными источниками классификации товаров, в связи с чем не подлежат применению для целей классификации в сфере таможенных правоотношений. Классификация товаров осуществляется исключительно в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, Основными правилами интерпретации, применяемыми с учетом Примечаний и Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС.

30. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда № 09АП-54110/2021: признание недействительным предупреждения Федеральной антимонопольной службы, пресечение нарушений конкуренции на трансграничном рынке⁹⁹

22 сентября 2021 года Девятый Арбитражный Апелляционный Суд вынес Постановление № 09АП-54110/2021, в рамках которого рассмотрел вопрос о признании недействительным предупреждения Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России). Согласно вынесенному в отношении ООО «ЭСКО-ФАРМ» предупреждению, ФАС России установлено, что на территории Российской Федерации реализуются товары, произведенные зарегистрированным на территории Республики Армения ООО «ЭСКО-ФАРМ», находящиеся в обороте как парфюмерно-косметическая продукция (средства для гигиены полости рта), наименования которых включают элементы, идентичные либо сходные с торговыми наименованиями широко известных лекарственных препаратов, производимых ОАО «Фармстандарт-Лексредства».

Девятый Арбитражный Апелляционный Суд указал, что Суд первой инстанции¹⁰⁰ правомерно отказал в удовлетворении заявленных требований ввиду следующего.

---

⁹⁹ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.В. Королевой.

¹⁰⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 июня 2021 года.

Суд отметил, что правовое регулирование обращения парфюмерно-косметической продукции осуществляется в соответствии с Техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции», утвержденным Решением Комиссии Таможенного союза от 23 сентября 2011 года № 799 (далее - ТР ТС 009/2011).

Производимые обществом товары не включены в перечень продукции, подлежащей государственной регистрации, соответствие требованиям ТР ТС 009/2011 подтверждено путем декларирования соответствия парфюмерно-косметической продукции, заявитель не обязан использовать в составе зарегистрированные фармацевтические субстанции, а может заменить их более дешевыми составляющими, которые являются безопасными для здоровья потребителей, не обладающими тем же качеством и свойствами, что и схожее по наименованию лекарственное средство.

В связи с этим в силу известности используемых в течение нескольких десятилетий наименований товаров потребитель может приобрести парфюмерно-косметическую продукцию вместо лекарственных препаратов, что не только не принесет ожидаемого лечебного эффекта, но может повлечь ухудшение течения болезни.

Негативное воздействие на конкуренцию в результате подобных действий производителя парфюмерно-косметических средств фактически затрагивает товарный рынок лекарственных препаратов Российской Федерации.

Суд указал, что это противоречит принципам добросовестности, разумности и справедливости и в целом противоречит индивидуальным, коллективным и публичным правам и законным интересам участников гражданского оборота, в связи с чем имеются признаки недобросовестной конкуренции.

Соответственно, антимонопольным органом правомерно направлено в адрес ООО «ЭСКО-ФАРМ» предупреждение о прекращении действий, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства, путем удаления с упаковок производимых парфюмерно-косметических средств обозначений, аналогичных или сходных с наименованиями зарегистрированных лекарственных средств.

Суд также отметил, что действующее законодательство в настоящее время не содержит иных эффективных правовых механизмов, позволяющих решить обозначенную проблему, и обратил внимание на аналогичную ситуацию, касающуюся введения в оборот биологически активных добавок, название которых совпадает или схоже с

наименованием зарегистрированных лекарственных средств, которая в настоящий момент активно обсуждается в рамках ЕАЭС.

Рассматривая данное дело, Суд также указал на несостоятельность довода заявителя о выходе ФАС России за пределы полномочий при вынесении оспариваемого предупреждения в связи с тем, что спорные действия совершаются на трансграничном рынке.

Как следует из материалов дела, производимые ООО «ЭСКО-ФАРМ» парфюмерно-косметические средства реализуются им исключительно в рамках внешнеэкономических сделок в адрес российских компаний, то есть спорный товар реализуется исключительно на территории Российской Федерации.

При таких обстоятельствах основания для рассмотрения спора Евразийской экономической комиссией отсутствуют, поскольку не выполняется необходимое условие трансграничности рынка, установленное Решением Высшего Евразийского экономического совета № 29 от 19 декабря 2012 года, а именно совершение нарушения конкуренции на территории двух и более государств-членов.